

Краткий синопсис к пьесе – «Квартира сдается внаем»

Жанр: Комедия

Чтобы купить квартиру в Москве, и даже однокомнатную, не хватит никакой трудовой и честной жизни. Едва можно наскрести денег на аренду, но, и то, если хорошо повезёт. Но как быть, если не только ты один, а ещё четверо становятся счастливыми нанимателями квадратных метров одной и той же жилой площади?!

Но мошенник исчез, а вот наниматели, ещё совсем не подозревая, друг о друге, приходят в свою, как им кажется квартиру, которая уже не в состоянии приютить всех обманутых жильцов.

Николай Рыбкин, первым въехал в съёмную квартиру и даже все расставил по своим метам. Он ждёт свою подругу — Екатерину Семенову. Но её все нет, как звенит звонок в дверь.

Счастливый, он открывает дверь и видит - Елену Сойкину.

Молодая женщина принимает Николая за жильца, который ещё не съехал с квартиры.

Поэтому она быстро собирает его вещички и выпроваживает за порог.

Но первый наниматель не сдаётся, и отчаянно отстаивает свои права.

Когда Николая посещает его подруга, Екатерина, Елена Сойкина выходит уже из ванны и разыгрывает перед ней фарс, с представлением себя, как старой и очень близкой подруги молодого повесы. Она даже целует его и Семенова, не желая слышать, детский лепет Рыбкина со скандалом покидает его.

Через какое-то время «враги» решаются дождаться третьей стороны, которая и должна решить, кому остаться на квадратных метрах, а кому снова собираться в дорогу.

А вот и он - Егор Громов! Авторитетный в уголовных кругах — вор в законе. Он внимательно выслушивает обе стороны конфликта и даёт своё заключение, что в этой квартире будет проживать он, но пока не возражает, чтобы и другие скрасили его одиночество. Елену он определяет в вольнонаёмный контингент, а Николая в простые «мужики». Ну, все как на зоне.

Через четверть часа появляется Моисей Гольдаман — антиквар из Америки. Он очень обеспокоен тем фактом, пришло ли, по факсу подтверждение об уплате за съёмную квартиру. Когда его все успокаивают и говорят, что безоговорочно ему верят, Гольдман пускает горячую слезу и успокаивается. Но ненадолго. Потому что делить квартиру Моисей ни с кем не намерен. Он открыто угрожает жильцам новым Нюрнбергским процессом и говорит о своём историческом тёзке, который сорок лет водил евреев по пустыни.

Так что терпение ему не занимать.

Пятым и последним нанимателем в квартиру попадает простая продавщица с рынка.

Снова первое удивление сменяется нервным выяснением отношений, которые то и дело перехлёстывают через край. Но постепенно накалённая атмосфера в квартире остывает, и пять незнакомых друг с другом людей будут вынуждены провести несколько часов под общей крышей.

Но сон никак не приходит, и наниматели уже сидят за круглым столом и рассказывают немного о себе. Наступает удивительная ночь, в течение которой всем жильцам предстоит, не покидая стен многострадальной квартиры, отправиться в путешествие на поезде по маршруту Москва — Рига. Но и это ещё не все. Потому что на следующий день нанимателям предстоит открыть семейную тайну, что двое из них, оказываются, являются родными и близкими друг другу людьми. Ведь Егор Громов — отец, Елены Сойкиной.

Пьеса в двух действиях – «Квартира сдается внаем»

Действующие лица:

1. Николай Рыбаков, первый наниматель квартиры
2. Екатерина Семенова, его подруга.
3. Елена Сойкина, второй наниматель.
4. Егор Громов, третий наниматель
5. Моисей Гольдман, четвертый наниматель
6. Оксана Прохоренко, пятый наниматель.
7. Сергей Сойкин, муж Елены Сойкиной.
8. Мария Сойкина, мать Сергея.

Действие первое

Перед зрителями предстает обычная однокомнатная меблированная квартира, которую сдают внаем. Слева стоит дверь, которая ведет на кухню, в центре входная дверь, справа ещё две двери: для ванной и туалета.

Обстановка: старый диван, кресла, шкаф, трюмо, телевизор, стулья, ночная лампа и т.д. На сцене стоит молодой мужчина, который гладит свою рубашку.

Рыбаков. Ну, кажется, все. Догладил. Какой я все-таки молодец. Да, что там молодец – умница можно сказать. Рубашку погладил, и квартиру на полгода снял. Почти, даром. Теперь целых шесть месяцев я буду наслаждаться тишиной и одиночеством: ни тебе криков, ни вечеринок, ни бессонных ночей в общежитии. Все это осталось в прошлом. Отныне, я сам себе голова.

Рыбаков осторожно надевает рубашку на вешалку и ставит ее в шкаф. Затем он заходит на кухню и вскоре возвращается оттуда с двумя бутылками пива. Он устало садится на диван, делает два глотка и начинает поиски пульта дистанционного управления телевизором. Находит его, но не успевает включить телевизор.

Рыбаков. Ну, теперь и передохнуть можно. Все готово к приходу, Кати.

Раздается звонок в дверь.

Рыбаков (удивленно). Вот и она! Только почему так рано?

Рыбаков подходит к входной двери, и открывает ее настежь. На пороге стоит незнакомая молодая женщина с чемоданом в одной руке, а другой она, по-прежнему давит на электрический звонок.

Рыбаков. Не понимаю, какой смысл так неистово звонить?! Может, вы все-таки оторвете хоть на мгновение ваш указательный палец от звонка? Вам кого?

Сойкина (убирает руку от звонка). Ну, наконец-то вы удосужились открыть мне дверь! Я уже целую вечность здесь стою, а вас все нет и нет.

Рыбаков. Странно, а где я был?

Сойкина. Меня вовсе не интересует, где вы были раньше, потому что меня сейчас занимает совсем другой вопрос!

Рыбаков. Какой?

Сойкина. Почему вы еще здесь?

Рыбаков. Странно. (Пауза.) Но если бы меня здесь не было, то кто бы тогда вам вообще открыл дверь?

Сойкина. Об этом я как раз и не подумала. Тогда вам очень повезло. Можно сказать, что вы родились в рубашке.

Рыбаков. Чем могу быть полезен?

Сойкина (снисходительно осматривает мужчину). Вы... полезны? Нет, вряд ли. Никогда.

Рыбаков. Что, никогда?

Сойкина. Ни за что! Хотя за все богатства мира.

Рыбаков. Может, мы познакомимся для начала, а уже после этого вы сможете отказаться оттого, что я и не думал вам предлагать.

Сойкина. Зачем нам с вами знакомиться? Вот возьмите мои вещи, и будет с вас.

Рыбаков берет чемодан у молодой женщины, которая без приглашения входит в комнату.

Рыбаков. Какой тяжелый! Вы что туда кирпичи положили?

Сойкина. Это лишь малая часть женского гардероба. Сейчас я взяла лишь самое необходимое...

Рыбаков (перебивает). На случай ядерной войны?

Сойкина. Нет. На этот случай хватит и одной косметички. Чемодан рассчитан на встречу с двуногими представителями внеземной цивилизации.

Рыбаков. А у вас, что есть точные сведения, что они существуют, и скоро к нам прилетят?!

Сойкина. Они давно прилетели.

Рыбаков. Когда? Как? Кому это еще известно кроме вас?

Сойкина. Женщины давно в курсе того, что простейшие существа заселили нашу планету, против нашей воли.

Рыбаков. И кто это, если не секрет?

Сойкина. Это весь мужской род, который давно стал среднего рода. Что вы стоите в проходе?

Несите чемодан к шкафу (открывает). Ну, конечно, вы свои вещи так и не удосужились собрать! Ждали, когда вам помогут. Обычная мужская безалаберность.

Рыбаков. Ваша помощь в мои планы не входила.

Сойкина. Вот и отлично. Даю на сборы пять минут.

Рыбаков. Премного вам благодарен. Но боюсь, что за пять минут мне никак не успеть.

Сойкина. Хорошо – шесть. И все, потому что я сегодня ужасно добрая.

Рыбаков. Очень великодушно с вашей стороны, но и за семь минут мне никак не управиться.

Сойкина. Будь, по-вашему. Восемь минут и это мое последнее к вам великодушное предложение. Но ни секундой больше. Я устала сегодня, поэтому хочу лишь одного: принять ванну и поскорее лечь в постель.

Рыбаков. Мне кажется, что вы несколько торопитесь. Я даже вашего имени не знаю, и сразу ванна... постель. Не подумайте, что я ханжа, но мне надо настроиться. Я не могу вот так сразу. Как же цветы, конфеты, и, конечно, свидания и прогулки под луной.

Сойкина. Какой вы оказывается романтичный?

Рыбкин. Да, я такой. К тому же вам надо познакомиться еще с моей мамой.

Сойкина. Никогда. (Женщина начинает выбрасывать мужские вещи из шкафа.)

Рыбкин (возмущенно). Ну, не хотите встречаться с моей мамой – не надо. Но зачем же заниматься вандализмом?! Хотя не исключено, что моя мама вам может ещё очень понравиться. Что вы делаете?

Сойкина. Помогаю вам собраться – только и всего.

Рыбкин. Вы что изобрели новый способ транспортировки личных вещей?

Сойкина. Я как раз вам его и демонстрирую.

Рыбкин (нервно). Зачем вы скомкали мою рубашку?

Сойкина. Экономлю вам время и место.

Рыбкин. Оригинальный способ. Вы хоть знаете, сколько я гладил ее!

Сойкина. Представляю себе.

Рыбкин. Я целую вечность разглаживал рубашку, чтобы на ней не было ни одной складки, а теперь она выглядит как комок шерсти.

Сойкина. Почему же комок шерсти – это больше похоже на футбольный мяч.

Рыбкин. Мяч?! Странно, что женщина вообще знает, что есть такой предмет. Вот вы, за какой футбольный клуб болеете, например. Может быть, мы с вами болельщики одного клуба.

Сойкина. Нет.

Рыбкин. Ну, а вдруг. Представляете, в вашем чемодане найдётся такой же фанатский шарфик, какой есть и у меня.

Сойкина. Исключено. (Женщина находит в шкафу костюм и берет его в руки, но мужчина выхватывает его, и они тянут его в разные стороны) Зачем вам костюм?

Рыбкин. Станный вопрос. Чтобы носить!

Сойкина. Он вам не подходит.

Рыбкин. Это спорный вопрос!

Сойкина. Отдайте костюм, что вы в него так вцепились.

Зыбкин. Не отдам. Он единственный у меня. Мне послезавтра на работу.

Сойкина. Но не наденете же вы костюм на голое тело?!

Рыбкин. Одну.

Сойкина. На голое тело без рубашки?

Рыбкин. С рубашкой!

Сойкина. Но ведь рубашка мятая?

Рыбкин. А я пиджак снимать не буду, тогда никто и не догадается, что рубашка мятая.

Сойкина. Обычная мужская логика. Я не снимаю туфли, поэтому ношу носки, не меняя, вот уже третью неделю.

Рыбкин. Мы что раньше с вами были знакомы?

Сойкина. Бог миловал.

Рыбкин. Тогда откуда вам так много известно обо мне?!

Сойкина (говорит более миролюбиво). Ну, посмеялись и хватит.

Рыбкин. Что-то я не заметил, чтобы я улыбался, когда вы оказывается, со мной весело шутили. В следующий раз предупредите меня, когда мне надо будет радостно реагировать.

Я просто уверен, что мне удастся поддержать на должном уровне общее весёлое настроение.

Сойкина. Как бы вам не заплакать после этого!

Рыбкин. Все-таки я не до конца, понимаю причину смены вашего настроения. Что во мне не то?

Сойкина. Все.

Рыбкин. Тогда зачем вы пришли ко мне в гости?

Сойкина. Я к вам?

Рыбкин. Да, ко мне.

Сойкина. Я пришла не к вам, а к себе.

Рыбкин. Вы уверены.

Сойкина. Давно пора заканчивать этот балаган. Я сняла эту квартиру не для того, чтобы находится в ней с каким-то неизвестным мне мужчиной.

Рыбкин. Я не какой-то там, неизвестный мужчина. Я - Николай Рыбкин.

Сойкина. Вот как вас на самом деле зовут, меня совершенно не интересует. Свою жалостливую историю вы расскажите в другое время и в другом месте. Надеюсь, вас там услышат, поймут, и вытрут вам слезы. Повторяю, я заплатила за квартиру на год вперёд, но ни часу не намерена вам подарить.

Рыбкин. Подождите, минутку... как вы сказали. Сняли квартиру?

Сойкина. Да я так сказала. Что вас удивляет?

Рыбкин. Но этого не может быть!

Сойкина. Почему не может быть? В этом мире все возможно.

Рыбкин. Но я тоже ее снял.

Сойкина (спокойно). Знаю.

Рыбкин. Знаете, что я снял квартиру, и, несмотря, на это решили целых полгода прожить со мной. Как вы мужественны!

Сойкина. Я из ума ещё не выжила.

Рыбкин. Но простите, вы же сами сказали.

Сойкина. Что сказала?

Рыбкин. ...Что я тоже её снял.

Сойкина. Правильно, снял. Прислушайтесь к этому глаголу и сами все поймете.

Рыбкин начинает громко проговаривать это слово вслух, пытаясь понять его тайный смысл. Но безуспешно, поэтому и смотрит на женщину с широко раскрытыми глазами.

Рыбкин. Вот уже несколько минут я меду тираю с глаголом снимать, но так ничего и не понял.

Сойкина. Но я же говорила, что простейшие и глупые существа паразитируют на нашей планете.

Рыбкин. Возможно. Но все-таки растолкуйте мне этот загадочный смысл.

Сойкина. Слово «снял» - это глагол прошедшего времени. Ну, уловили разницу?

Рыбкин (склоняет глагол во времени). Я снимал... я снимаю... я буду снимать.

Женщина начинает потихоньку распаковываться.

Сойкина (переходит на ты). Пожалуйста, не в настоящем и не в будущем времени, потому что твоё время прошло.

Рыбкин. Но я то же снял эту квартиру.

Сойкина. Послушай, я все понимаю. У всех жильцов похожие проблемы: то они сначала хотят въехать в квартиру чуть ли не с ночи, а когда приходит время, выезжать, тянут до последнего. Ты что другую квартиру не успел снять?

Рыбкин. Да.

Сойкина. Ну, так бы и сказал. Вот тебе деньги на бутылку и на гостиницу (протягивает двести рублей).

Рыбкин. Вы думаете, что этого может хватить?

Сойкина. Хватит. Завтра заедешь за вещами. Так и быть я соберу тебе их. Правда, я умница?!

Рыбкин. Правда... но.

Сойкина. Никаких но. (Женщина выталкивает мужчину за дверь и садится на диван.) Ну, каких только идиотов не носит земля. (Раздается звонок в дверь.) Ну, кто там ещё? (открывает). Ты – Коля?!

Рыбкин. Я.

Сойкина. Что тебе нужно?

Рыбкин. Послушайте, я не понял!

Сойкина. Что не понял?

Рыбкин. Как это я так вдруг, оказался за дверью. И ваши деньги мне совершенно не нужны (отдаёт).

Сойкина. Что мало? Хорошо, я еще добавлю. (Женщина проходит в комнату за кошельком, и мужчина следует за ней.) Вот ещё сто рублей.

Рыбкин. Я отсюда никуда не уйду, потому что идти мне некуда.

Сойкина. Это что еще за новости.

Рыбкин. Я тут живу.

Сойкина. А где я, по-вашему, жить должна. На улице!

Рыбкин. Не знаю. Но это квартира моя.

Сойкина. Ты что ее уже купил?

Рыбкин. Чтобы ее купить мне всей жизни не хватит. Поэтому я и арендовал её на шесть

месяцев.

Сойкина. Да, Коля тебе определенно надо закусывать.

Рыбкин. Вы думаете, что я пьяный?

Сойкина (с подозрением смотрит на две бутылки пива на журнальном столике). Уверена.

Рыбкин (ловит ее взгляд). Ну, открыл одну бутылку пива. Хлебнул два глотка, а потом вы пришли.

Сойкина. И, слава богу, что я пришла, а то бы совсем спился. Ну, когда закончился твой срок найма?

Рыбкин. Он ещё и не начинался. Хотя ошибаюсь, ведь один день уже прошёл.

Сойкина. Вот видишь, ты уже и ошибаешься. Пока ты голубчик пил, твоё время и вышло.

Рыбкин. Что так быстро?! Только бутылку пива открыл, два глотка сделал и время – тью-тью.

Сойкина. Как раз об этом я тебе и говорю.

Рыбкин (исступленно). Не верю. Вот, если бы я бутылку допил, то, куда ни шло. А так я сильно сомневаюсь.

Сойкина. Так покажи мне свой договор найма!

Рыбкин (протягивает какие-то бумаги). Вот он.

Женщина внимательно читает договор и меняется в лице.

Сойкина. Ты что, сегодня в квартиру въехал?

Рыбкин. Угу.

Сойкина. На шесть месяцев?

Рыбкин. Угу.

Сойкина. И что все деньги уже заплатил?

Рыбкин. Угу.

Сойкина. Что ты гукаешь словно филин! Где ты вчера был?

Рыбкин. В общежитие.

Сойкина. Теперь я ничего не понимаю. Я смотрела эту квартиру три дня назад и мне сказали, что жилец должен сегодня съехать.

Рыбкин. Какой еще жилец?

Сойкина. Ну, ты значит.

Рыбкин. Аа-а. (Пауза.)

Сойкина. Что будем делать?

Рыбкин. Ума не приложу.

Сойкина. Потому что прилагать его не к чему! Как ты сказал, тебя зовут?

Рыбкин. Коля... Николай.

Сойкина. Так вот Николай, с первого же, раза, как только я увидела тебя, меня как будто током ударило.

Рыбкин. Высокочастотным?

Сойкина. Именно.

Рыбкин. С чего бы это?

Сойкина. Ты не догадываешься?

Рыбкин. Нет.

Сойкина. Ты – Коля, как только открыл мне дверь, так твои мужские флюиды и залетали передо мной. Ну, как ...

Рыбкин. Мухи!

Сойкина. Ну, какие мухи. Как бабочки! И я сразу поняла, что вижу перед собой настоящего мужчину.

Рыбкин (гордо). Хм-м. Тут двух мнений быть не может. Мужчина с флюидами – это я.

Сойкина. Так вот Николай, если ты хочешь, чтобы в моей памяти ты навсегда остался мужчиной с мухами в голове, ... то есть с бабочками, то должен кое-что сделать для меня.

Рыбкин. Что же?

Сойкина. Ты должен оставить меня навсегда. Навеки!

Рыбкин. Но...

Сойкина. Знаю, что нам двоим, трудно будет прожить друг без друга. Но что поделаешь, видно у нас с тобой такая несчастная судьба. Ты должен жить в одной квартире, я в совершенно другой, и лучше в разных концах планеты, чтобы нам не дай бог нечаянно не встретиться снова. Нам нельзя больше видеться.

Рыбкин. Да, какая у нас несчастная судьба. Прямо рок какой-то. Ведь мы так любим друг друга.

Сойкина. Ты Коля, прав как всегда. Но давай не будем делать себе больно, поэтому ты уходишь красиво и гордо, а я остаюсь вся в слезах и печали.

Рыбкин. Значит, ты дорогая уходишь, а мне останется тебя вечно помнить!

Сойкина. Нет, ты не понял, Это ты покидаешь меня, а я буду заключена в этих четырех стенах.

Рыбкин. Как все-таки это бесчеловечно. Но я не допущу такой несправедливости. Это женщина, первой, должна бросить мужчину, и оставить его у разбитого корыта со всеми удобствами.

Сойкина. На такие страдания я не могу тебя обречь. Этот тяжелый крест я готова взвалить на свои хрупкие плечи, чтобы ты шел налегке.

Рыбкин. Но кто по-настоящему любит, тот не делит крест, а с благодарностью принимает на себя все муки.

Сойкина. Так ты, как я вижу еще и непреклонен в своем заблуждении. Тогда читай (протягивает свой договор найма).

Рыбкин (прочитав). Ну, и что? Договор, Такой же, кстати, как и у меня. Правда, срок найма жилого помещения у меня шесть месяцев, а у вас целый год.

Сойкин. Ну, сейчас то ты, надеюсь, все понял!

Рыбкин. Нет.

Сойкина. Что же ты такой глупый! Ведь шесть месяцев меньше, чем один год. И это значит, что я остаюсь в этой квартире, а ты съезжаешь с неё подобра- поздорову. Согласен!

Рыбкин. На каком основании! Насколько я знаю, число шесть больше единицы.

Сойкина. Ты что ополоумел. Ведь год состоит из двенадцати месяцев.

Рыбкин. Вы так думаете?!

Сойкина. Это знает каждый.

Рыбкин. Не уверен. Я ведь, не знаю.

Сойкина. Да, я любого тебе сейчас приведу, и он тебе откроет горькую истину.

Рыбкин (не сдается). Приведите... тогда и посмотрим.

Сойкина (соглашается). Хорошо.

Рыбкин. Хочу, видеть.

Сойкина идет быстро к дверям, ее сопровождает Рыбкин. Но неожиданно она передумывает.

Сойкина. Ага, я разгадала твой коварный план. Как только я выйду за порог, то, ты мне больше двери не откроешь. Просто же ты решил от меня избавиться.

Рыбкин. А мне показалось, что вы от меня решили отделаться, как в сказке.

Сойкина. В какой еще сказке?

Рыбкин. В старой сказке про зайца и лису, которая решила выжить из дома косого, чтобы самой поселиться в нем. Но у вас ничего не выйдет.

Сойкина. Ну, это мы еще посмотрим. Так как ты не хочешь добровольно оставить мне эту квартиру, то мне придется перейти к решительным мерам. Где у тебя ванна? То есть я хотела сказать, где у нас ванная комната... милый?

Рыбкин (в замешательстве указывает на еще одну дверь). Там.

Сойкина. Я отлучусь ненадолго, а ты не скучай без меня. Я скоро вернусь (уходит). (Пауза.)

Рыбкин. Эй, что вы там делаете?

Сойкина (из-за двери). Купаюсь.

Рыбкин. Это недопустимо.

Сойкина. Говори громче дорогой, потому что я тебя плохо слышу.

Рыбкин. Немедленно выходите оттуда.

Сойкина. Что с мокрой головой?

Рыбкин. Как вы не понимаете, ко мне с минуты на минуту должны прийти. Что будет со мной, когда Катя вас увидит?!

Рыбкин нервно ходит по комнате, делает несколько глотков пива, как снова раздается звонок в дверь. Мужчина несколько секунд раздумывает, нервно покусывая ногти на правой руке.

Рыбкин (говорит сам с собой). Открывать или не открывать – вот в чем вопрос? Пожалуй, лучше не открывать. Нет, еще хуже будет. Надо все-таки открыть дверь. А была, не была (открывает).

Семенова. Здравствуй, любимый!

Рыбкин. Здравствуй, Катя.

Семенова. Что же ты мне так долго не открывал?

Рыбкин. Ты знаешь в этих однокомнатных хором, я просто-напросто заблудился, и никак не мог найти входную дверь.

Семенова. Ты что не рад, что я к тебе пришла?

Рыбкин. Ну, как ты могла так подумать. Я рад... безумно.

Семенова (слышит, как где-то течет вода). А что это вода у тебя льется?

Рыбкин. Катя мне надо будет тебе все рассказать! Только дай мне слово, что ты не будешь волноваться.

Семенова. Какой ты сегодня таинственный, Николай. Ну, что ты мне хочешь рассказать, чего я еще не знаю?!

Рыбкин. Понимаешь, случилось... в это трудно поверить. Я снял квартиру.

Семенова. Это я знаю и даже вижу.

Рыбкин. Я снял квартиру, навел тут порядок...

Сорокина (разглядывают опустошающую картину разбросанных вещей, и поднимает с пола мужскую рубашку). Это ты называешь порядком.

Рыбкин. Порядок тут раньше был. Я расставил вещи по своим местам, решил выпить пива, даже телевизор не успел включить, как...

Сойкина (из ванны). Николай, ты не потрешь мне спинку?!

Семенова (от неожиданности вздрагивает). Кто это?

Рыбкин. Это то несчастье, которое как снег на голову обрушилось на меня. Про него и я пытаюсь тебе рассказать.

Сойкина. Ну, котик ты идешь ко мне или нет?!

Рыбкин (Сойкиной). Прекратите вмешиваться в мою личную жизнь.

Сойкина. Ах, я забыла, ведь ты такой романтичный и любишь маму.

Семенова. Ты что ее уже с мамой познакомил?

Рыбкин. Никого я не знакомил.

Семенова. Кто эта женщина?

Рыбкин. Не знаю. Я познакомился с ней несколько минут назад.

Сорокина. Ты что меня за дуру принимаешь! Через несколько минут знакомства никто не предлагает принять ванну незнакомому человеку.

Рыбкин. А я и не предлагал. Она сама... Я тебя все сейчас объясню. В это трудно поверить. Только ты не волнуйся.

Семенова. С чего ты взял, что я вообще волнуюсь. Я совершенно спокойна.

Рыбкин. Как же, спокойна ты. Ты же уже четвертую пуговицу рвешь на моей некогда глаженной рубашке, которую скомкала до формы футбольного мяча незнакомая мне, женщина.

Семенова. Значит, незнакомая женщина, с которой ты едва знаком, в порыве страсти уже срывает с тебя рубашку?! Как ты позволяешь, так с собой обращаться?

Рыбкин. Все не так любимая, как ты себе это представляешь. Я снял квартиру на шесть месяцев, а эта женщина на один год.

Семенова. Вы решили сэкономить, поэтому и живете сейчас вдвоем.

Рыбкин. Опять все не так, моё солнышко. Она сняла квартиру...

Семенова (перебивает Рыбкина). Стало быть, она снимает квартиру для тебя. Ты что Альфонс? Жигало!

Рыбкин. Опомнись и вдумайся, что ты сейчас говоришь... родная.

Семенова. Она на много старше тебя?

Рыбкин. Не знаю.

Семенова. Как долго длится ваша связь?

Неожиданно в комнату, из ванной входит Сойкина в мужском халате и перевязанным полотенцем на голове.

Семенова. Она уже в твоём халате. Поздравляю.

Сойкина (Рыбкину). Ну, что Николай ты уже объяснился с Катей. Я предупреждала тебя, что нельзя спать с двумя женщинами сразу. Это опасно. Ты должен был давно ей все о нас рассказать.

Семенова. О нас?

Рыбкин (оправдывается). Это все неправда, что она сейчас говорит.

Сойкина. Ну, будь мужчиной Николай, сколько можно ходить вокруг и около

Рыбкин (обращается к Семеновой). Она сама пришла...

Сойкина. Да я пришла... разделась... и приласкала тебя. И после всего решила принять ванну.

Рыбкин. Это ложь. Я даже не знаю вашего имени.

Сойкина. В последний раз ты называл меня – моя козочка, а я тебя мой бара...шек.

Семенова. Ты позволяешь себя так оскорблять?

Рыбкин. Нет. На барашка я никогда не отзывался.

Сойкина. Он и не такое позволяет с собой делать. Николаша просто приходит в восторг, когда я всячески его унижаю. Неужели ты ничего не знаешь о его причудах? Ты бы видела его в этот момент: глаза светятся, руки дрожат, тело вытягивается в струнку и...

Рыбкин. Прекратите молоть чепуху. Замолчите. Ведь у Кати может сложиться неправильное мнение обо мне.

Сойкина (Семеновой). Ты пробовала его лупить кожаной плеткой по мягкому месту? Он так кричит!

Семенова. Кричит?

Сойкина. Да и грязно ругается.

Рыбкин. Ещё слово и я за себя не ручаюсь.

Сойкина. Но хорошо, не буду перед посторонними раскрывать твои интимные секреты.

Скажи дорогой, куда ты положил мою косметичку? Я не хочу, чтобы ты видел меня такой!

Рыбкин. Такой женщины я никогда не забуду. Чудовище!

Сойкина. Где моя косметичка?

Рыбкин. Не знаю.

Сойкина. Ну, ты же сам положил ее в шкаф.

Рыбкин. Ничего я туда неложил.

Семенова открывает шкаф, находит косметичку и передаёт Сойкиной.

Сойкина. Я ненадолго оставлю вас. Мне надо одеться (уходит в ванную комнату).

Рыбкин. Это все, неподдающееся никакому больному воображению недоразумение и я тебе

все сейчас объясню, только ты не перебивай меня. Главное, ты должна мне безоговорочно верить!

Семенова. Хорошо, рассказывай бара...шеек.

Рыбкин. Я снял квартиру...

Семенова. Ты это уже говорил.

Рыбкин. На полгода, затем пришла она...

Семенова. Твоя козочка...

Рыбкин. И заявила, что тоже сняла эту квартиру, но уже на год.

Семенова. Итого: полтора года вы решили прожить вместе. Как испытательный срок?

Отлично! Боюсь, если она будет, лупить тебя полтора года по мягкому месту, то ты на него не скоро сможешь сесть.

Рыбкин (берется за голову). Погоди, какие полтора года?

Семенова. Ну, как же твои полгода, плюс её год, будет полтора.

Рыбкин. Наверное, для всех нас сегодняшний день выдался тяжелым, и все спуталось в наших головах. Повторяю, тебе, что этой женщины я раньше никогда не видел и не знал.

В комнату заходит Сойкина и подходит к Рыбкину.

Сойкина. Скажи, что еще и не любил! (Целует.)

Рыбкин (отстраняясь). Что вы себе позволяете?

Семенова. И ты еще хочешь, что после всего, что я видела сейчас, я должна тебе безоговорочно верить. Извращенец.

Семенова выбегает из квартиры, Рыбкин пытается её остановить, но, как вкопанный, останавливается в дверях.

Рыбкин. Ага, империя наносит свой ответный удар. Но ничего у вас не выйдет. Решили избавиться от сожителя, чтобы лишить его законных квадратных метров?

Сойкина. Тебя сейчас не о погонных метрах надо думать, а о твоей девушке. Ведь Катя ушла от тебя навсегда. Коля!

Рыбкин. Ничего я верну её. Потом.

Сойкина. Учти, никаких посторонних женщин в течение полугода в своей квартире я не потерплю.

Рыбкин. А я в свою очередь заявляю вам, чтобы в моей квартире не было никаких мужчин.

Сойкина. Это мы еще посмотрим. (Пауза.) Ну, как я тебя!

Рыбкин. Ничего особенного.

Сойкина. То ли, ещё будет. Так что привыкай, жить как на вулкане.

Рыбкин. Не страшно. Это было моим самым заветным желанием, целых полгода прожить с огнедышащим монстром.

Противоборствующие стороны смотрят с ненавистью друг на друга. Пауза.

Рыбкин. Может нам все-таки удастся найти компромисс?!

Сойкина. Компромиссов в этой схватке не может быть: или ты или я.

Рыбкин. Ну, если взаимное существование двух полов исключается, то, предлагаю найти третью незаинтересованную сторону, которая и разрешит наш спор.

Сойкина. Что-то вроде третейского суда!

Рыбкин. Да. Что она решит, пусть так и будет. По рукам?

Сойкина. Хорошо. Только не хнычь потом... Коля.

Рыбкин. Только где мы найдем эту третью сторону?

Сойкина. Ты не хотел бы прогуляться?

Рыбкин. Нет.

Сойкина. И правильно, а то бы я наверняка тебя заподозрила в сговоре с этой стороной.
Рыбкин. Вот поэтому, я лучше останусь дома. Может вам посчастливиться кого-то найти?
Сойкина. Без труда. Но я не буду лишний раз рисковать, чтобы не вводить тебя в искушение.
Рыбкин. Разумное решение. Так что же делать. Неужели мы полгода обречены, смотреть друг на друга. Не моргая!
Сойкина. И в этом разглядывании я буду пострадавшей стороной.
Рыбкин. Почему?
Сойкина. Ну, ты посмотри на меня и на себя. Разница просто налицо.
Рыбкин. Уже и оскорбления посыпались в мой адрес, а я только начал жить по-семейному.
Сойкина. Пора провести демаркационную линию по квартире. Итак, разделим сферы влияния: ванну с утра и до глубокой ночи не занимать, на кухне ничего не жарить, по комнате не ходить, в коридоре не околачиваться, стирать и сушить свои вещи только на себе. Квартиру ежечасно проветривать, и ежедневно убирать
Рыбкин. Помедленней, пожалуйста. Я не успеваю, все записывать. Значит, ходить мне разрешается только по плитусу, есть одни концентраты, спать в ванной и в ней же мыться. К тому же исполнять роль посудомойки и золушки в одном лице. И ещё ветреной мельницы, потому что квартиру надо ежечасно проветривать. А соковыжималкой мне работать не надо?
Сойкина. Может быть. Перечисленный список моих требований, является не полным, и он будет пополняться каждый божий день. Да, и моими личными гигиеническими принадлежностями не пользоваться. Надеюсь, все ясно.
Рыбкин (прикладывает правую руку к голове и рапортует). Так точно. (Пауза.) Ох, поскорей бы уже пришло – это третье лицо. Сил моих больше нет.

Неожиданно раздается звонок.

Рыбкин. Ну, наконец-то.

Не доверяя друг другу, двое жильцов кидаются в сторону входной двери и долго ссорятся, кому первому открыть дверь, и пожать руку многоуважаемому гостю.

Сойкина. Я все-таки женщина. Тебя не учили хорошим манерам.

Рыбкин. Вы их всех растоптали... моя козочка.

Сойкина. Не называй меня так, а то схлопочешь.

Рыбкин. Не угрожайте мне, я вас не боюсь. Мой ненаглядный женский дракон. К тому же открывать двери – это исключительно мужская прерогатива.

Сойкина. У нас давно равноправие.

Рыбкин. Не доводите все до абсурда. Мужчин на дверях видели все, а женщину еще никто.

Сойкина. Я буду первой.

Рыбкин (снисходительно). Да, пожалуйста. Открывайте.

Сойкина открывает дверь, и первая приветствует мужчину средних лет с коротко стриженной прической. Она с порога пытается его очаровать.

Сойкина. А вот и вы! Какое счастье. Я вас так ждала.

Рыбкин. Не вы одни его ждали. Я тоже себе места не находил. Ну, что вы держите дорогого гостя в дверях? Дайте же ему наконец-то войти!

Сойкина. Вас как зовут?

Громов. Егор.

Сойкина. Ах, какое красивое имя.

Рыбкин. А вот я не согласен, с тем, что у Егора красивое имя. Потому что на самом деле оно просто прекрасное. Вы – Егор такой статный и представительный мужчина.

Громов. Неужели.

Сойкина. Я сразу, когда только увидела вас, то почувствовала мужские флюиды...

Рыбкин (Сойкиной). Про флюиды вы уже говорили, так что не стоит повторяться.

Сойкина. Не делай мне замечаний Коля, не люблю (Обращается к Громову.) Вы прямо большая куча,... то есть я хотела сказать огромная гора мужского шарма и обаяния.

Рыбкин. Да что там гора, как Анды и Гималаи в одном лице.

Громов. Такого мне еще никто не говорил.

Сойкина. Вот, когда мы останемся с вами наедине...

Рыбкин. Не слушайте женщину, Егор. Разве настоящий мужчина может чувствовать себя с женщиной прекрасно. Да - никогда. Ведь только со мной вы сможете сыграть в шахматы, перекинуться в картишки, опрокинуть рюмочку и поговорить по душам.

Сойкина. Так Николай давай ближе к делу, а то я немного растерялась. Никогда не приходилось слушать комплименты, когда один мужчина расточает их другому. У меня просто кругом идет голова.

Рыбкин. То-то я еще и не такое могу.

Сойкина. Ты по существу дела давай.

Рыбкин. Так я приступаю. Видите ли, Егор, чтобы раньше времени не раскрывать вам, какие жуткие силы стоят за нашим спором, мы бы хотели, чтобы вы приняли справедливое решение.

Громов. Короче говорить, умеешь!

Рыбкин. От вашего решения зависит сейчас судьба двух незнакомых вам людей. Вы сейчас в некотором смысле олицетворяете правосудие.

Громов. Правосудие?

Рыбкин. Да, сейчас вы - судья.

Громов. Вот судьей мне еще быть не приходилось. Больше подсудимым. Но я весь во внимании.

Рыбкин. Ответьте нам на вопрос: Что больше: шесть или единица?

Громов. Разумеется же, шесть.

Рыбкин (победоносно). Что и требовалось доказать.

Сойкина. Ты все не так рассказал. Николай хотел вас спросить: Что больше шесть месяцев или один год?

Громов. Вы что меня разыгрываете? Конечно же, один год.

Сойкина. Ага, моя взяла. Значит, я остаюсь в этой квартире.

Громов. Я не знаю, кто из вас проиграл, а кто выиграл. Но вот ответьте на мой вопрос, и я тогда действительно решу, кто из вас самый умный.

Рыбкин. Спрашивайте!

Громов. Что больше шесть пожизненных сроков или один?

Рыбкин. Шесть.

Громов. Не правильный ответ.

Сойкина. Один. Я победила!

Громов. Торопитесь дамочка, потому что ваш ответ то же не правильный Пожизненный срок всегда равен одой смерти. Так что правильным будет ответ – они всегда равны.

Рыбкин. Хорошо. Тогда давайте рассудим по-другому, в честном и в открытом споре.

Громов. Значит ножи под стол, руки на стол. Толковать будем. Сходку устроим. Ну, что ж, давай попробуем.

Рыбкин. Вот я снял эту квартиру на полгода, а эта женщина на год. Но так как я первый въехал в нее, следовательно, имею моральное преимущество.

Громов (твердо). Нет.

Сойкина. А что я говорила! Значит, я буду здесь жить.

Громов. Тоже нет.

Сойкина. Как это нет! А кто же тогда здесь будет жить?

Громов. Я

Рыбкин. Кто я?

Громов. Я - Егор Громов. Вор в законе.

Рыбкин. То есть как это вы?! Вы же, судья.

Громов. Еще раз ко мне так обратишься – пожалеешь, что вообще на этот белый свет родился. Понял?!

Сойкина. Он, наверное, понял, а вот я ничего не понимаю. Вы, какое отношение имеете к этой квартире?!

Громов. Я буду здесь жить, потому что я тоже снял эту квартиру. Правда, на три месяца.

Рыбкин. Как сняли?

Громов. Вот так. По-видимому, тот, кто кинуть меня решил, не знал меня близко. Ну, что ж придется нам еще раз с ним повидаться. Паршивый фраер меня как мальчишку развел.

Рыбкин. Значит, в нашей квартире на одного жильца стало больше.

Громов. Не в квартире, а в камере.

Сойкина. Только этого мне не хватало. Еще одного мужчину повесели на мою голову.

Громов (разглядывает квартиру). А что хорошо, чисто, уютно. Тараканов нет?

Рыбкин. Пока не было.

Громов. Отлично. Этот диван надо к окошку поближе передвинуть.

Сойкина. Зачем?

Громов. В камере самая блатная койка возле окна должна находиться, на ней я и буду спать. А параша где?

Сойкина. Что простите?

Рыбкин. Наш новый уважаемый жилец спрашивает, туалет у нас где?

Сойкина (указывает на дверь). Там.

Громов (ошибается дверью). Там ванна.

Сойкина. Значит соседняя дверь.

Громов. Спасибо.

Сойкина. Пожалуйста.

Громов исчезает за дверью.

Сойкина. Ну, что будем делать Николай?

Рыбкин. Известно что, ждать ночи!

Сойкина. Для чего?

Рыбкин. А ночью навалился вдвоём на Громова, и придушим его подушкой. Я его буду душить, а вы должны будите ему ноги держать.

Сойкина (отказывается). Нет, я не смогу.

Рыбкин. Тогда он нас придушит. Сначала меня вырубит, а вот вам придется еще помучиться.

Сойкина. Меня зовут, Лена. Фамилия Сойкина.

Рыбкин. Очень приятно познакомиться.

Сойкина. И мне. Так что ты говорил, он со мной сделает?!

Рыбкин. В тюрьме мужчины очень скучают без женщин.

Сойкина. Ты это серьезно?

Рыбкин. Как никогда.

Сойкина. Куда же он после всего, наши трупы денет?

Рыбкин. А зачем их куда-то девать. Егор же все популярно объяснил, что снял квартиру на три месяца, так что двух трупов ему и должно хватить на этот срок.

Сойкина (причитает). Ой, мамочка моя. Неужели он нас съест.

Рыбкин. По-моему, Егор мировой мужик. С особой жизненной позицией. Ты знаешь, он даже чем-то на Ганнибала похож.

Сойкина. Не успокаивай меня Коля. Каннибал - он и есть каннибал.

Рыбкин. Я сказал, Ганнибал.

Громов (выходит из туалета). А что здесь можно жить! У нас в камере на такой площади человек 12 друг к другу жмутся, а нас всего трое. Как и положено смотрящим по нашей

камере буду я. Тебя Николай, я определяю в мужики, а тебя дамочка в вольнонаемный персонал. Порядок чтобы у меня был лучше, чем на самой престижной зоне.

Громов садится на диван и открывает бутылку пива. Выпивает.

Громов. Пиво еще есть?

Рыбкин. Есть.

Громов. Неси. Хорошо подготовился. Выражаю тебе первую благодарность. Как тебя?

Рыбкин. Николай.

Громов. Так вот Николай, считай, что ты уже сделал свой первый шаг к условно-досрочному освобождению.

Рыбкин. Мне бы от звонка до звонка свой срок отсидеть – полных шесть месяцев, поэтому я на условно-досрочное освобождение, не претендую.

Громов. Много ты понимаешь. Через две недели карцера у меня по-другому запоешь. Ну, а ты красотка, почему еще не на кухне? Что-то я проголодался!

Сойкина. И впрямь пойду, на кухню может, найду там хоть щепотку яда (уходит).

Громов. Бойкая девчонка. С характером. Люблю таких. Помоги ей, и проследи за ней, как бы она действительно меня на тот свет не отправила. (Пауза.) И почему люди такие жестокие, не пойму!

Рыбкин уходит. Громов попивает пиво и включает телевизор. Раздается звонок в дверь.

Громов нехотя вразвалочку подходит к ней и медленно ее открывает. На пороге стоит невысокого роста круглолицый, запыхавшийся мужчина.

Громов. Вам кого?

Гольдман. Я - Моисей.

Громов. Я - Егор.

Гольдман. А я Моисей.

Громов. Ну, так что же?

Гольдман. Вам должны были звонить из Америки и назвать номер платежного поручения.

Громов. Фальшивым авизо промышляешь?!

Гольдман. На указанный вами счет переведена оговоренная сумма в валюте.

Громов. Да, что ты говоришь!

Гольдман. Вы что мне не верите?

Громов. От тебя я никаких денег не получал.

Гольдман. А где у вас факс?

Громов. Понятия не имею.

Гольдман. Может в комнате?

Громов. Если найдешь, то, считай, что он твой.

Гольдман быстро ходит по комнате и скрупулезно ищет факс.

Громов. Пойду у своих сокамерников спрошу, может они факс от «шмона», куда-то попрятали.

Вскоре Громов возвращается в сопровождении Рыбкина и Сойкиной.

Гольдман. Ну, что нашли факс?

Сойкина. Что на кухне?

Гольдман. Ну, если в комнате его нет, и на кухне, может он еще где-то может быть!

Рыбкин. В ванной, например. Я мигом туда.

Громов. Может в клозете. Пойду ещё раз внимательно посмотрю. Не исключено, что от

перенапряжения я мог его просмотреть.

Двери туалета и ванной комнаты открываются одновременно.

Рыбкин. В ванной факса нет, и как я подозреваю, никогда и не было.

Громов. В гальюне, кстати, тоже. А, если он тут и был, то, наверное, его нечаянно смыли в унитаз.

Гольдман. Как же я смогу доказать вам, что деньги ушли на ваш счет!

Рыбкин. Вы не волнуйтесь так, потому что мы вам и так верим.

Гольдман. Как верите? Но ведь мы с вами даже не знакомы.

Рыбкин. Так вот и давайте сейчас - это сделаем. Меня зовут, Николай Рыбкин.

Громов. Я - Егор Громов.

Сойкина. Я - Елена Хомутова, то есть уже Сойкина.

Гольдман. А я - Моисей Гольдман из Америки.

Громов. Как твоя фамилия и имя, ты говоришь?

Гольдман. Моисей Гольдман из Америки.

Громов. Да, не твоя Моисей, а Елены! Твою я уже давно запомнил.

Сойкина. Елена Сойкина.

Громов. Нет, ты назвала сначала другую фамилию! Хомутова?!

Сойкина. Это моя девичья фамилия. А что?

Ломов. Так ничего. Показалось.

Гольдман. Так вы действительно мне верите?

Громов. Хотя денег твоих мы и в глаза не видели, но тебе Моисей верим.

Гольдман. Вот слово, которое до сих пор завораживает мое воображение. Еще остались люди, которые верят в честное и правдивое слово человека. Тронут. Очень (каждому жмет руку и смахивает с лица набежавшую слезу). Спасибо вам за радушный прием. Встретили как родного. Правда, для одной моей скромной персоны – три человека обслуживающего персонала все-таки многовато. Ну, что я шейх арабский или князь Монако. Ведь я даже не президент. Я привык по-простому своими силами обходиться. Так что всех я вас отпускаю, и хочу ещё раз вам выразить свое восхищение за ваше гостеприимство.

Громов. Пожалуйста. Только мы отсюда никуда не уйдем.

Гольдман. Но охранять меня то же не надо. В этой стране за месяц со мной ничего плохого не случится.

Рыбкин. На вашем месте я не был бы таким опрометчивым.

Гольдман. Я провел в полете больше десяти часов и ни разу не сомкнул своих глаз.

Сойкина. Вы, на какой срок сняли нашу квартиру?

Гольдман. Я же сказал – на месяц. Ни днем больше, ни днем меньше.

Громов. По-моему, настало время всем нам сейчас объясниться, чтобы не было никаких недоразумений в скором будущем.

Гольдман. Каких недоразумений?

Рыбкин. На лицо вопиющий факт циничного мошенничества. Я, Елена, Егор и вы – Моисей стали жертвами преступного замысла.

Гольдман. Не может быть!

Сойкина. Увы, но это именно так.

Ломов. Так что Моисей милости просим в нашу двадцати пяти метровую камеру.

Гольдман. Кого в камеру? Меня! Нет, я не согласен. Это мне по генетическим соображениям просто нельзя делать. Поэтому я предупреждаю вас, если вы все не хотите загреметь на новый Нюрнбергский трибунал, то, незамедлительно очистите квартиру, которую я снял на один месяц.

Громов. Вот хочешь по-хорошему сначала, а тебе грубят, новым процессом угрожают. Не нравится тебе у нас Моисей - тебя никто не держит. Уходи! Скатертью дорога.

Гольдман. Я уйду, а вы потешаться надо мной будите, как вам удалось обмануть гражданина

США. Это будет мировой скандал. Я подниму в прессе такую шумиху, что мало никому не покажется. Не на того напали. Вы, по-видимому, забыли кто я!

Громов. Ты – Моисей.

Гольдман. Да, я Моисей.

Громов. И что?

Гольдман. А то, что мой далекий родственник, кстати, тезка, сорок лет евреев по пустыни водил, пока их не привел в страну обетованную. Так вот у меня терпения – еще то, я всех вас выживу из этой квартиры.

Рыбкин. Что же вы так разбушевались? Мы, то, тут причём?

Гольдман. Вы одна – шайка-лейка. Банда.

Сойкина. За что же вы нас оскорбляете? Пришли самым последним, а качаете права, как самый настоящий вор в законе.

Звенит звонок в дверь.

Рыбкин. Кто это еще? Кажется, уже все тут.

Гольдман подходит к двери, открывает ее, и видит на пороге моложавую женщину.

Гольдман. Вам кого?

Прохоренко. Никого конкретного. Мне сказали, что здесь я смогу снять угол на неделю.

Гольдман. Кто сказал?

Прохоренко. Один приятный молодой человек. Он и предложил мне диван в этой квартире. На большее я не претендую.

Громов. Вы ему уже заплатили?

Прохоренко. Да. Мне так повезло. Без него мне пришлось бы ночевать на вокзале.

Сойкина (тихо говорит). Слава богу, что хоть еще одна женщина. Моисей пропустите женщину в квартиру.

Гольдман. Тут и без нее народа как в Китае. Боишься на кого-то наступить. Дышать даже нечем.

Прохоренко. Всем добрый вечер. Вернее сказать, доброй ночи. Очень рада со всеми вами поздороваться. Меня зовут, Наташа Прохоренко.

Все здороваются с ночной гостьей и представляются ей. Гольдман еще с подозрением смотрит на всех присутствующих.

Гольдман (нарочито громко обращается к Громову). Что она тоже из твоей банды?

Громов. Точно. Она и есть – главарь. У неё железный принцип, в живых свидетелей не оставлять.

Гольдман. Я тебя серьезно спрашиваю, а ты лясы точишь

Громов. Ну, я же тебе все популярно объяснил, Моисей. Кинули нас! Век свободы не видать!

Гольдман. Ну, я так и думал. Никому нельзя верить в этой стране. Ведь говорил же, я своей жене, предупреждал: «Софа, что-то голос этого молодого человека в телефоне мне совсем не нравится». Но он так быстро говорил по-английски, что мне пришлось капитулировать и принять все его условия. Куда только мир наш катится!

Громов. И не говори. Не признает сегодня современная молодёжь: ни законов, ни обычаев, ни кодекса чести. Ну, попадется мне этот полиглот, на куски порву.

Гольдман. Ты все-таки полегче с ним.

Громов. Да, ничего я ему не сделаю. Мозги только вправлю и дело с концом.

Гольдман (обращается уже ко всем). Если бы не были такими дорогими гостиницы в Москве, то, видели бы вы меня. Это просто безобразие, какие деньги требуют выложить за одни только сутки в Москве, на которые в Париже или Берлине я могу прожить целую неделю.

Хотел бы я хоть краешком глаза взглянуть на калькуляцию этих невообразимых расходов, из которых складывается цена за проживание в одни сутки.

Рыбкин. А почему расходов?

Гольдман. Потому что доходы я давно сам в уме подсчитал. Так что будем делать?

Прохоренко. Устраиваться, наверное, на ночь. Мне с утра на работу.

Громов. Я возле окна...

Рыбкин (перебивает). Ваши тюремные привычки прошу забыть раз и навсегда.

Громов. А ты кем будешь по профессии, Николай?

Рыбкин. Юрист.

Громов. Законник! Ну, надо же. Кому рассказать, не поверит. Чтобы откинуться с зоны и здесь же под конвоем оказаться. Ну, веди начальник.

Рыбкин. Предлагаю, на диване разместить женщин. Ну, а мужчины как-нибудь: кто? где?

Не раздеваясь, все уже легли. Женщины на диване. Ломов на кушетке, Гольдман на кресле, Рыбкин на стульях. В комнате гаснет свет.

Пауза. Тишина. Раздается то, ли храп, то, ли свист.

Рыбкин. Поесть бы чего?! Елена, ты спишь?

Сойкина. Уснешь тут. Я глаза на секунду боюсь закрыть.

Рыбкин. А вы, Наташа?

Прохоренко. Нет.

Рыбкин. Мойсей?

Гольдман. Чтобы враги мои так сладко спали.

Рыбкин. Егор?

Громов. Переключку делаешь, начальник. Так здесь я, еще не сбежал.

Рыбкин (не обращает внимания на слова Громова). Так что мы тут комедию друг перед другом ломаем. Предлагаю включить свет и поесть (включает).

Все прячут глаза от ярко вспыхнувшего света.

Громов. Так что начальник – конец отбоя. То ночь была, то сразу день.

Рыбкин. Не называйте меня так.

Громов. Ну, как скажешь, гражданин начальник.

Рыбкин. Все что у кого есть – клади на стол.

Сойкина. У меня сыр и йогурты.

Громов. У меня консервы и концентраты.

Прохоренко. Овощи и колбаса.

Гольдман. Моя ветчина!

Громов. Кошерная?

Гольдман. Нет, но очень дорогая.

Громов. А ты начальник, почему свой паек на стол не ставишь?

Рыбкин. У меня шампанское и шоколад.

Громов. Прямо офицерский паек.

Все садятся за стол и ужинают среди ночи.

Рыбкин. Вы, Егор, давно освободились?

Громов. Недавно. Могу и справку показать!

Рыбкин. Не надо. Я вам и так верю. Рассказали бы, что ни будь о себе.

Громов. Ты что следовательно, чтобы с тобой по душам разговаривать?!

Рыбкин. Ну, не хотите и не надо. Насильно мил не будешь. Я просто так спросил. Не сидеть же нам за столом и молчать. А вы Наташа кем работаете?

Прохоренко. Продавцом на рынке. Овощами и фруктами торгую.

Громов. И что хорошая выручка сегодня была?

Прохоренко. Обычная.

Рыбкин. Вы, Егор, зачем выручкой интересуетесь?

Громов. Просто так. В порядке политинформации.

Рыбкин. А вы, Моисей, зачем к нам из самой Америки пожаловали?

Гольдман. Зачем надо, затем и пожаловал. Что это ты Николай всем интересуешься?

Громов. У начальника сегодня день открытых дверей. Не тюрьма, а проходная какая-та.

Рыбкин. Просто хочется больше о людях узнать, с кем предстоит прожить какое-то время под одной крышей.

Громов. Ты начальник, по каким делам специализируешься?

Рыбкин. По гражданским.

Громов. Ну, уже легче. Может, дружбу сведем, глядишь и я тебе, чем ни будь, пригожусь.

Гольдман. Рука руку моет. Мафия!

Ломов. Хочешь Моисей, мы и тебя в нашу структуру возьмем – бухгалтером или олигархом. Выбирай.

Гольдман. Ничего общего я с вами иметь не хочу. Знаю, я вас. Сегодня уважаемый бухгалтер, а завтра скоропостижный труп. Слава богу, работаю антикваром.

Рыбкин. А ты, почему Елена все молчишь?

Сойкина. Господи, если бы вы только знали, как вы все мне надоели. Никого не видеть, не слышать не хочу. Все мужчины просто вывелись как род. Один кидает, другой квартиру не хочет мне, как женщине уступить. Потом этот дядя Егор, затем заграничный дядюшка Сэм – он же Моисей.

Громов. Что же ты дочка так осерчала на нас?

Сойкина. Не называйте меня так. Вот такой же, как вы и у меня где-то папочка есть. Вернее сказать был. Всю жизнь моей матери загубил. Он все сидел по тюрьмам, когда она меня на ноги пыталась поставить. Все весточки слезные писал, просил, чтобы и я в письмах что-то ему приписала. Сколько раз отказывалась, да, однажды упростила меня мама, ну, я все и нацарапала ему, что на душе было.

Громов. И что же?

Сойкина. А написала все как есть: что в школе меня безотцовщиной кличут, дома нищета, что мама все время болеет. Правда, на улице шпана всякая, меня уважает и защищает.

Земной поклон ему за это от меня. И еще, если он хоть раз появится в нашем доме, то сбегу из него, потому что вместе нам не жить. Я еще птицу в клетке в письме нарисовала, на которой стоит большой замок, а ключ от него, в руке у меня. Пусть знает папочка, как я его жду.

Громов. Ты зря Елена ничего не ешь!

Сойкина. Не хочу.

Рыбкин. Мы сейчас тоже, можно сказать в одной клетке сидим. Привыкнуть нам надо друг к другу.

Сойкина. Вот возьму и уеду в Ригу?

Рыбкин. Почему в Ригу?

Сойкина. Может, хоть там я вас всех не увижу. Как у меня голова болит – кто бы знал!

Сойкина встает из-за стола и садится на диван. Она что-то начинает искать в своей сумочке и долго не может найти.

Прохоренко. Может она таблетку от головы ищет? Так у меня есть.

Неожиданно к столу подходит Сойкина и что-то протягивает Гольдману.

Сойкина. Вот мой билет, господин проводник!

Гольдман (улыбается). Я не проводник.

Сойкина. Значит, вы провожающий?

Гольдман. Я приехавший.

Сойкина. Ничего не понимаю. Это поезд Москва - Рига?

Рыбкин (удивленно). Поезд?

Сойкина. Да, поезд. Что вы на меня так смотрите? Как будто никогда в жизни не видели, как выглядит обыкновенный поезд.

Рыбкин (озабоченно). Дайте-ка, посмотреть ваш билет!

Сойкина. Пожалуйста. Только не помните его.

Рыбкин внимательно смотрит на простой клочок бумаги, затем на всех сидящих за столом.

Рыбкин. Поезд, к сожалению еще не подали на посадку. Но вы не волнуйтесь, через несколько минут он будет здесь. Вы посидите еще в зале ожидания, и я к вам лично подойду.

Сойкина. Большое спасибо (садится на диван, как будто что-то невидимое с интересом рассматривает и по-детски улыбается).

Гольдман (тихо). Что это с ней?

Прохоренко. Не знаю.

Рыбкин. По-моему, нервный срыв.

Громов. А этот нервный срыв, лечится?

Рыбкин. Просто нам не следует сейчас, ни в чем Елене не перечить, и у неё все само собой пройдет. Она думает, что садится в поезд. Следовательно, надо ей составить компанию и тоже отправиться в Ригу.

Гольдман. Вы серьезно! Кажется, лучше вызвать скорую.

Громов (нервно). Цыц, Моисей. Не видишь, что с ней творится. А приедут сейчас твои врачи в белых халатах, свяжут ее и увезут в сумасшедший дом. Начальник же ясно сказал, что мы сейчас все должны поехать в Ригу... без конвоя. Я правильно говорю?

Рыбаков. Правильно. Слушайте меня внимательно. Когда я отвлеку Елену, соберите все со стола, придвиньте его к стене, вместе со стульями, а сами встаньте у дивана, но не садитесь на него.

Гольдман. Что ещё за новые причуды?

Громов. Я, Моисей тебя очень уважаю, но если ты сейчас не сделаешь того, что просит начальник, то, мы поссоримся.

Гольдман. Как будто спросить нельзя. Я же должен знать, что мы, в конце концов, делаем и кого изображаем.

Рыбкин. Мы все – попутчики. Егор будет проводником.

Гольдман. Вот теперь мне все понятно.

Рыбкин. Да, еще один стул поставьте рядом с диваном.

Гольдман. Вот, опять все наперекосяк. А стул, зачем рядом с диваном?

Громов. Ну, Моисей, до чего же ты любопытный.

Рыбкин. Стул будет служить вагонной подножкой.

Громов. Ты просто гений, начальник. Ну, сейчас тебе все понятно, Моисей?

Гольдман. Мне надо было узнать, что мы играем. Не буду хвалиться, но пока мне больше удавались драматические роли. Сколько я их переиграл со своей Софой. Ни одному прославленному театру и не снилось. Хоть скажу, что я охотно сыграл бы и комедию.

Я чувствую в себе комедийный талант. Но будьте спокойны. Моисей в любой своей роли не подведет, потому что он настоящий, правда, не всеми признанный талант.

Рыбкин встает из-за стола и подходит к Сойкиной.

Рыбкин. Куда вы запропастились? Я вас по всему вокзалу ищу. Поезд скоро отправляется. Пойдемте скорей. Это ваш чемодан?

Сойкина. Да, мой.

Рыбкин. Давайте, я вам помогу.

Сойкина. Это очень любезно с вашей стороны.

Рыбкин несет настоящий не распакованный чемодан пассажира через всю комнату и кухню. Сойкина сопровождает его. Как только они выходят из комнаты, оставшиеся квартиросъемщики, начинают воплощать в жизнь план Рыбкина. Вскоре два пассажира появляются из зала ожидания.

Прохоренко (обращается к Гольдману). Не толкайтесь, пожалуйста. Вы меня чуть под поезд не скинули. А если бы он тронулся?

Гольдман (смотрит ошарашенными глазами на Прохоренко). Кто, я вас толкал?

Прохоренко. Да, именно вы.

Гольдман. Да вас и бульдозером не сбросить с платформы. Что вы себе позволяете!

Оскорбляете ни в чем не повинного человека.

Громов (изображает из себя строго кондуктора). Так граждане – пассажиры не ругайтесь.

Через минуту я открою свой вагон, и там вы сможете толкаться хоть до самой Риги.

Хоть на ножи друг друга поставьте.

Прохоренко. Не дай бог, если мое место будет рядом с этим не воспитанным человеком.

Гольдман. Только не забывайте, что в поезде всегда трясет, а то подумаете еще, что я к вам все дорогу пристаю. Без уважительной причины.

Рыбкин. А вот и мы! Кажется, успели.

Громов. Еще немного и поезд ушел бы без вас. Железная дорога хоть и не самый быстрый, но самый безопасный вид транспорта, который всегда уходит с начальной станции вовремя и пребывает в пункт назначения с допустимым трех часовым опозданием. Ваш билет гражданочка?

Сойкина. Вот он.

Гольдман. А почему вы – женщина без очереди рветесь в Ригу. Где ваши благородные манеры?!

Сойкина. Ой, извините.

Громов (тихо обращается к Гольдману). Ты что Моисей делаешь? Зачем ты перечишь Елене?

Гольдман (указывает на стул). Вы видели эту подножку поезда?! На нее же, без лестницы никогда не забраться, а как спуститься женщине с багажом, не подумали. Изобретатели! И кто-то же должен первым сесть в купе, единственное в этом поезде.

Громов. Молодец.

Гольдман. Только не надо меня хвалить. У меня похвальных грамот и дипломов больше чем картин в Лувре. Лучше исполняйте свои обязанности, проводник.

Громов. Ваш билет?

Гольдман. Вот, пожалуйста, самый что ни на есть настоящий. Не то, что у некоторых.

Советую, повнимательней присмотреться к молодому человеку. Он так похож на одного знакомого террориста, что так и хочется подойти к нему и попросить автограф.

Громов. Не учите меня. Зачем вы предъявили мне авиабилет?

Гольдман. Вы что не знаете, что сейчас разработали новый вид билетов, которые действительно не только в самолетах, но и в поездах дальнего следования.

Громов. Предъявите настоящий билет, не то, мне придется вас высадить за излишнюю гражданскую бдительность.

Гольдман (вытаскивает из кошелька десять рублей и передает их кондуктору). А такой билет вас устроит?

Громов. Вот теперь все в порядке. Можете проходить. Третье купе. Десятое место.

Гольдман. Не подмажешь – не поедешь. Ну, ничего не меняется в этой стране.

Громов (обращается к Сойкиной). Ваш билет?

Сойкина. Вот он.

Ломов. Вижу. Проходите. В купе мне еще раз его предъявите.

Сойкина. Так я могу, пройти.

Громов. Ваше купе третье, место девятое. Нижняя полка. Счастливого пути.

Сойкина поднимается на стул с одной стороны, а с другой стороны Елену поджидает Гольдман, чтобы элегантно помочь слезть с вагонной подножки.

Гольдман. У вас какое купе? Только не говорите мне, что третье!

Сойкина. Но у меня действительно третье купе.

Гольдман. Никогда в это не поверю. Неужели третье?

Сойкина. Именно.

Гольдман. А место?

Сойкина. Девятое.

Гольдман. Быть такого не может. А у меня представьте, десятое. Так значит мы попутчики.

Гольдман несколько раз проводит Сойкину вокруг дивана и указывает ей на ее место.

Гольдман. Завидую вам. Нижняя полка.

Сойкина. Хотите, я поменяюсь с вами!

Гольдман. Это совершенно лишнее. Надеюсь, что к нам никого больше не поделят, и мы сможем болтать с вами всю дорогу.

Сойкина. Всю дорогу?

Гольдман. Лучше мне болтать, чем вам слышать мой ужасный храп. Выбирайте?

Они садятся на диван, как в купе заходят еще два пассажира.

Гольдман. И что все прутся в Ригу, как будто она резиновая.

Пассажиры занимают свои места. Слышно как проводник три раза свистит в свисток, затем сильно хлопает входной дверью.

Рыбкин (смотрит на часы). Ну, сейчас поедет. Поезд всегда отправляется по расписанию. Вот, кажется уже и тронулись.

Гольдман. В прямом и переносном смысле.

Сойкина. Почему же я не слышу, как стучат колеса под ногами?

Рыбкин (подражает стуку колес). Ту-ту. Ту-ту. Ту-ту.

Прохорова. Ту-ту. Ту-ту. Ту-ту.

Гольдман. Ту-ту. Ту-ту. Ту-ту.

Громов. Ту-ту. Ту-ту. Ту-ту.

Сойкина. Ту-ту. Ту-ту. Ту-ту.

Рыбкин. Хорошо едем!

Гольдман. Со всеми удобствами.

Громов (еще раз проверяет билеты). Так значит, все до Риги едите. (Тут же получает громогласный ответ: «Все»). Ну, и хорошо. Значит, не проспим! Может чаю?

Сойкина. Мне, пожалуйста, с сахаром.

Громов. Сделаем.

Гольдман. Мне кофе?

Громов. Перебьешься (уходит).

Гольдман. Ну, что и требовалось доказать – какой поезд – такие и проводники.

Прохорова (обращается к Сойкиной). Вы надолго в Ригу?

Сойкина. Как получится!

Прохорова. А раньше были в Латвии?

Сойкина. Ни разу. Но всегда мечтала.

Прохорова. Тебя будет кто-то встречать?

С чашкой чая возвращается Громов.

Сойкина. Никто меня встречать не будет. Ведь Сергей не знает, что я еду сейчас в Ригу.

Рыбкин (осторожно). Кто такой Сергей?

Сойкина. Это мой муж.

Рыбкин. Ты ему ничего не сказала?

Сойкина. А что ему скажешь, когда постоянно с ним находится его мама. Устала я так жить. Может ему будет лучше без меня.

Громов. Значит, оставила мужа, и слово ему не сказала.

Сойкина. Выходит, что так.

Громов. Я вот тебе чай принес. Ты пей его, пока он горячий.

Сойкина. Спасибо.

Моисей. Не хорошо ты поступила. Ведь твой муж волнуется за тебя.

Сойкина. Вы так думаете?

Гольдман. Конечно. Мы с Софой уже пятьдесят лет в браке живем, а я до сих пор волнуюсь, когда она выходит из дома. И такие мысли нехорошие приходят мне в голову, что просто страшно.

Громов. Какие, например?

Гольдман. Вам как уважаемому в своих кругах человеку, так и быть, как на духу отвечу. Когда моя жена идёт в магазин, например я, спрашиваю себя, Моисей, а не забыла ли она твою банковскую карточку взять с собой. И, если таки да, то пойди и немедленно ее догони и вручи ей в руки этот золотой дубликат нашего с ней счастливого брака. Ведь деньги для того и созданы мужчинами, чтобы их тратили женщины. Но моя жена ходит быстрее, чем я думаю, и мне становится от этого немножко грустно.

Громов (обращается к Сойкиной). Ну, ты же совсем одна.

Сойкина. Это раньше я была одна, а теперь я ...

Громов. С кем?

Рыбкин. С нами теперь она ... с нами.

Сойкина. ...Я беременна.

Гольдман. Как не осмотрительно в твоём положении отправляться одной в такое далекое путешествие.

Сойкина. Ну, что вы поездка в Ригу не может повредить моему малышу. Тем более что он такой маленький. Сколько за чай я должна?

Громов. Нисколько.

Сойкина. Только я ни одного слова по-латышски не знаю.

Гольдман. Не ты одна. Я вот в ни в латышском, ни в английском, так и не преуспел. Пропади он пропадом. Дети и внуки говорят на нем, а мы с Софой только: Yes and No.

Сойкина. А вы Наташа на латышском говорите?

Прохорова. Я на украинском языке говорю.

Рыбкин. А я знаю одно слово по-латышски.

Сойкина. Какое?

Рыбкин. «Рамуня». Ромашка, значит. У нас учительница была из Латвии, и звали ее Регина.

Громов. Вот ты начальник и будешь у нас переводчиком. Лады?

Рыбкин. Кто я?

Громов. Ты - родной.

Рыбкин. Я не смогу.

Сойкина. А вы не волнуйтесь. Ничего, если вы даже какое-то слово забудете,

Рыбкин. Да я всего одно слово знаю, так что не забуду.

Сойкина. Говорят, что все жители Риги гостеприимные и радушные хозяева.

Гольдман. Поживем – увидим.

Рыбкин. А кто ваш муж по специальности?

Сойкина. Сергей, художник. (Пауза.) Ой, что-то поезд замедлил свой ход.

Гольдман. Тебе показалось, Елена.

Прохоренко. Мы едим как самый быстрый поезд на земле.

Рыбкин. Как самый добрый поезд.

Громов. Как поезд человеческой памяти.

Рыбкин. Ту-ту... ту-ту... ту-ту.

Прохоренко. Ту-ту... ту-ту... ту-ту.

Гольдман. Ту-ту... ту-ту... ту-ту.

Сойкина. Ту-ту... ту-ту... ту-ту.

Гомов встает с дивана и подходит к торшеру. Он то включает его, то, выключает и всем действительно, кажется, что они едут в поезде, где за окошком третьего купе мелькают островки света пролетающих мимо крошечных станций, небольших поселков и провинциальных городков.

Сойкина. Далеко еще до границы?

Ломов. А мы ее дочка давно проехали.

Рыбкин. Ту-ту... ту-ту... ту-ту.

Прохоренко. Ту-ту... ту-ту... ту-ту.

Гольдман. Ту-ту... ту-ту... ту-ту.

Сойкина. Ту-ту... ту-ту... ту-ту.

Громов. Ту-ту... ту-ту... ту-ту.

Все вместе: Ту-ту... ту-ту... ту-ту.

Конец первого действия

Занавес

Действие второе

Та же обстановка на сцене. В квартире осталось только двое: Громов и Рыбкин. Громов нервно ходит по сцене и ждет, пока проснется Рыбкин, который спит на диване. Рыбкин открывает глаза.

Громов. Доброе утро, начальник. Хотя уже давно день. Разрешите доложить. Отряд для утренней поверки в полном составе построился. Беглых нет. Отсутствую трое. Все по уважительным причинам.

Рыбкин. Вы опять за старое принялись, Егор.

Громов. Слушай, Николай. Мне надо сейчас тебе что-то важное сказать.

Рыбкин. Ну, что еще?

Громов. Я всю ночь не спал.

Рыбкин. С чего бы это? Хотя на новом месте всегда плохо спится.

Громов. Причем здесь новое место. У меня, их столько в жизни было, и всегда у меня был здоровый и богатырской сон. Хоть из пушки стреляй. Тут другое...

Рыбкин. Тогда что?

Громов. Ты помнишь, что вчера Елена за столом говорила?

Рыбкин. Это до поездки в Ригу или после?

Громов. До.

Рыбкин. Помню.

Громов. Она о своем отце упоминала?!

Рыбкин. Да, что-то припоминаю.

Громов. Ну, так вот, ты уже встал – тогда сядь или того лучше ляж, и для полной безопасности – сразу на пол, чтобы падать тебе было невысоко. Ведь я и есть, отец Елены.

Рыбкин. Это что шутка такая?

Громов. Да, какая шутка! Говорю тебе – Елена моя дочь.

Рыбкин. Бросьте меня разыгрывать!

Громов. Я серьезно с тобой говорю. Не такая тема, чтобы я забавлял тебя. Век воли не видать.

Рыбкин. На каких предположениях вы строите свои догадки?

Громов. Про письмо она рассказывала, помнишь. Так вот пришло оно ко мне лет тринадцать назад. Я его слово в слово помню. Рисунок с птицей в клетке и ключ в руках у Елены.

Рыбкин. Да, мало ли таких картинок рисуется детьми. Это обычный символизм. Вам просто показалось.

Громов. Если бы показалось. Вот смотри, что у меня есть.

Громов протягивает Рыбкину паспорт Сойкиной.

Рыбкин. Как у вас оказался паспорт Елены?

Громов. Случайно.

Рыбкин. Она что вам его сама отдала?!

Громов. Считаю, что так.

Рыбкин. Что, значит, считай!

Громов. Я просто на время позаимствовал ее паспорт и все... сходится.

Рыбкин. Как оказывается, все просто... позаимствовал на время. Если бы вы мой паспорт взяли, то я не знаю, чтобы с вами сделал.

Громов. Ну, тогда твори свое правосудие начальник, потому что твой паспорт еще со вчерашнего вечера в моем кармане.

Рыбкин. То есть как? Когда я хочу спросить, вы все успели?

Громов. Ты когда вчера на кухню с Еленой ушел, так я и поинтересовался твоими исходными данными.

Рыбкин. Ну, вы... я просто не знаю, какое слово для вас подобрать.

Громов. Не старайся. Я его давно нашел. Вор – я понимаешь. Всю жизнь был. Да у меня не только твой, у меня все паспорта в кармане.

Рыбкин. Все?!

Громов. Ну, я же сказал, все.

Рыбкин. Значит, вы тайно осуществили паспортный контроль. Но надеюсь, чужих кошельков не брали?

Громов. Не брал. Не до того было. Как заглянул я в паспорт Елены, то, все во мне ходуном заходило. Все сходится: и время и место рождения. Фамилия у нее только ни моя, ни матери. Как такое может быть?

Рыбкин. Она взяла фамилию мужа.

Громов. Точно. Ты себе начальник просто цены не знаешь.

Рыбкин. Это элементарно и цена мне самая обыкновенная. Покажите паспорт (смотрит). А вы знаете, она чем-то на вас действительно похоже.

Громов. Ты что Николай, обалдел. Она у меня красавица, а я...

Рыбкин. Надо ей все рассказать.

Громов. Ты что начальник с вышки упал.

Рыбкин. А что здесь такого?

Громов. Она же ясно сказала тебе, что со мной сделает.

Рыбкин. Что страшно?

Громов. Никогда ничего не боялся и сейчас не боюсь. Стыдно мне, понимаешь. Пока я по зонам, да по тюрьмам срок мотал, она сама на ноги поднималась. Мне бы помочь ей!

Рыбкин. Ну, так помогите.

Громов. Не примет она от меня помощи. Характер сам видел. Гордая она и сильная.

Рыбкин. Чем же я могу вам помочь?

Громов. Начальник на коленях прошу, придумай, что ни будь, и я клянусь тебе что завяжу.

Рыбкин (с сомнением в голосе). Как же завяжете! Клялся волк телят не драть!

Громов. Не веришь?

Рыбкин. Не очень. Но как вам помочь?

Громов. Ведь ты все можешь. Как хорошо вчера с поездом получилось. Выздоровела Елена – сам сегодня видел. Да, я бы тебя сразу министром путей сообщения сделал бы. Ведь у меня внуки должны родиться, а как начнут болтать и выспрашивать: Кто ты такой дедушка? Что я им отвечу: «Зэк я деточка. Зэк!». (Пауза.)

Рыбкин. Ну, и задачка. Еще вчера я был так счастлив, снял квартиру, рубашку погладил, а потом такое... такое.

Громов. Ты про дела суетные забудь, ты о вечных думай.

Рыбкин. Может все в лоб ей рассказать... напрямую без всяких обиняков?!

Громов. Лбом обуха не перешибешь. Нет, так нельзя. Сразу сбежит, и где искать мне ее прикажешь. Тут другой подход нужен. Только какой?

Рыбкин (думает). Надо бы Сергея как-то заманить в нашу квартиру, чтобы помирить его с Еленой. Тогда и подступиться к вашей дочке будет проще. Ведь сердце у нее бабье должно быть.

Громов (поправляет). Женское сердце, ты хотел сказать, начальник. А так все правильно мыслишь. Так я сейчас позвоню в ментуру, и мне назовут адрес, где живет Сергей.

Рыбкин. Только милиции нам и не хватало.

Громов. Так у меня там хорошие связи.

Рыбкин. Свои связи для дела оставьте, а правоохранительные органы в личные отношения не вмешивайте. Семейные проблемы сами решайте. Будем искать по телефонной справке - Сергея Сойкина, у которого жена, Елена.

Громов. Ой, разумно говоришь. Просто ума палата.

Рыбкин. Вы звоните в справочную службу, а я должен еще подумать.

Громов (говорит по телефону). Привет, мочалка!

Рыбкин (прерывает разговор Громова). Вы что с ума сошли! Какая мочалка?

Громов. А что я такое сказал? Ну, не телкой же мне ее величать!

Рыбкин. С таким приветствием мы никакой информации не получим. Бросьте ваш лексикон. Попробуйте обратиться как-то по-другому!

Громов. Научи.

Рыбкин. Ну, сударыня например. Милая, женщина.

Громов. А овца не подойдет?

Рыбкин. Нет, не подойдет!

Громов. Ладно, как скажешь. Но между «сударыней» – господи слово то, какое тяжелое, я выберу, пожалуй – «милая женщина».

Рыбкин. И мне оно больше нравится. Ну, звоните!

Громов (крестится). Ой, господи прости! (Говорит по телефону.) Милая женщина, здравствуйте! – А вы еще девушка. Не хотел вас ничем обидеть, потому что все у вас впереди. Желаю, чтобы женихов у вас было, как мужиков на зоне.

Рыбкин (вертит указательным пальцем у своего виска). Вы все погубите.

Громов (начинает говорить по-другому). Не знаю, какая вы вся из себя, но сердце мне подсказывает, что вы не только красивая, но и добрая.

Рыбкин (в знак удовольствия поднимает большой палец правой руки вверх). Умница!

Громов (продолжает разговор). Понимаете, мне адресок одного своего старого кореша позарез нужен. Стрелку ему надо забить и по-базарить с ним по-нашему по-пацански. Обидел он одну мою близкую кралю.

Рыбкин (берется двумя руками за голову). Какую кралю? Повторяйте за мной. Я разыскиваю, Сергея Сойкина. Мне нужен его адрес и телефон.

Громов (говорит в трубку). Повторяйте за мной. Я разыскиваю Сергея Сойкина. Мне нужен его адрес и телефон. Что вы девушка говорите: «Сколько ему лет?». (Громов прикрывает телефон ладонью.) Начальник, тут одна лахудра спрашивает, сколько Сергею лет?

Рыбкин. А я откуда знаю! Предположительно от 25 до 40 лет.

Громов (повторяет слово в слово последнюю фразу Рыбкина). Предположительно от 25 до 40 лет. (Ждет ответа). Точнее вам сказать не могу. Но ты обожди кошелка, а я сейчас уточню. Начальник просят назвать его возраст, и лучше день и год рождения.

Рыбкин. Вы что белены объелись. Может рост и вес мне его назвать.

Громов (снова прикрывает телефон рукой). Так что мне этой су...дарыне сказать?

Рыбкин. Ну, раньше мы уже с вами обо всем договорились. Что ищите Сергея Сойкина вместе с Еленой, так как они муж и жена.

Громов. Понял не дурак – дурак бы не понял. (Через несколько минут Громов получает долгожданный ответ). Прощай, фемина. Ты просто прелесть и богиня.

Рыбкин. Вот вы уже и стихами заговорили. Ну, что вам сказала ваша богиня?

Громов. Тут три варианта наклеывается. Гоп-стоп. Надо выбрать из них самый подходящий. Взять большой куш и лечь на дно.

Рыбкин. Не понимаю, на гражданском языке говорите.

Громов. В нашем городе зарегистрированы три семьи, которые в анфас и в профиль идентичны друг другу.

Рыбкин. Неужели у них и отпечатки пальцев одинаковые?

Громов. Так мне твоя милая мамзель отстучала, начальник. Она мне, я тебе.

Рыбкин. Ну, правильно. Москва город большой. И, слава богу, что не тридцать три варианта нам подвернулось. Значит в базе данных указаны три семейные пары, которые подходят под наши приметы.

Громов. Ну, все можно и в международный розыск их объявлять

Рыбкин. Теперь нам еще и Интерпола не хватало. Ни кого в розыск мы объявлять не будем.

Громов. Ты что от них явки с повинной ждешь? Так зря, никто к тебе сам не придет. Надо самим действовать.

Рыбкин. Лучше звоните по телефону и пообщайтесь с мужем вашей дочери.

Громов. А может, три пары сразу сюда вызовем. Пусть Елена сама выберет, какой муж ей больше нравится.

Рыбкин (говорит сквозь зубы). Три пары нам совсем ни к чему. Вы просто должно позвонить и попросить, чтобы к телефону подошла Елена.

Громов. И что?

Рыбкин. Ну, если Елена отзовется, то, смело вычеркивайте этот вариант из вашего списка.

Громов. Почему?

Рыбкин (в нетерпении). Потому что наша Елена с Сергеем поругалась и, следовательно, в квартире она не может находиться.

Громов. Тебе бы следователем по особо важным делам работать. Любой «глухарь» в три счета расколешь, начальник.

Громов начинает снова звонить и через какое-то время докладывает Рыбкину.

Громов. Все. Определил телефон и адрес своих дорогих родственников. Теперь можно туда ехать.

Рыбкин. Зачем?

Громов. Чтобы слегка наехать на зятя и на его мамашу.

Рыбкин. Никто никуда не поедет. И вообще вам надо бросать ваши прежние манеры и жуткий жаргон. Ведь, если Елена узнает, о вашем наезде, то нам как говорится - хана.

Громов. Не ругайся начальник, тебе не идет. Хотя в твоих словах чистая, правда.

Звонок. Громов открывает дверь и видит Гольдмана.

Гольдман (расстроен). У меня паспорт пропал?

Громов. Да, ну! Как же ты так неосторожно, Моисей. Теперь без паспорта в свою Америку не улетишь. Придется на исторической Родине навсегда остаться.

Гольдман (обыскивает свои карманы). Странно, вчера он был, а сегодня его нет.

Громов. Может, нечаянно обронил? Только где ты его сейчас найдешь.

Гольдман. Надо объявление в газету дать, что за вознаграждение прошу вернуть мне паспорт!

Громов. Думаешь, кто-то откликнется?

Гольдман. А я большое вознаграждение в объявлении укажу

Громов. Ну, если очень большое.

Гольдман. Может, это Наташа мой паспорт увела?

Громов. Стыдись, Моисей. На честную женщину напраслину наводишь. Да и зачем ей твой паспорт?! Что она на рынке в него фрукты заворачивать будет!

Гольдман. А я знаю, кто бы это мог сделать!

Рыбкин. Кто?

Гольдман. Елена!

Громов. За такие слова я тебя на куски порву. Чтобы моя дочка в чужой карман полезла.

Гольдман. Она, больше некому. Вчера такой спектакль провела. Мы все уши развесили, и она под шумок его и украла.

Громов. Никогда мокрым делом не увлекался, а теперь вижу, придется. Ну, молись своему богу Моисей.

Гольдман. Да, что с тобой сегодня, Егор. Тебе то, какое дело до всего этого?

Рыбкин. Понимаете Моисей, так оказалось, что Лена родная дочь Егора.

Гольдман. Тогда я родной ее дядя!

Громов. Если тот дядя, который скоропостижно скончался, на руках своей любимой племянницы, то, я не возражаю.

Рыбкин. Что вы Егор на Моисея напустились? Просто ему надо все объяснить, чтобы и он поверил. А главное паспорт ее покажите.

Громов (протягивает паспорт Гольдману) Вот, ее паспорт. День, год, место рождения - все

сходится. И единственное письмо с детским рисунком я получил.

Гольдман. Я, конечно, Егор, уважаю твои отцовские чувства и все такое. Но откуда у тебя паспорт неожиданно обретенной дочери?

Гомов молчит.

Рыбкин. Паспорт Елены взял я, и... ваш, кстати, тоже!

Гольдман. Значит – это ты вор.

Рыбкин. Ну, получается, что так. Но все это я сделал, чтобы знать наверняка, с кем проживаю под одной крышей. Возьмите свой паспорт.

Гольдман. Ну, страна, ну, люди все тащат, что плохо лежит.

Громов. Ну, что ты все время причитаешь, как будто в Америке меньше крадут. Тебе же русским языком объясни, что Николай взял паспорта, чтобы ничего такого – этакое не приключилось.

Рыбкин. У нас к вам Моисей есть небольшая просьба.

Гольдман. Не вмешивайте меня в ваши грязные дела.

Рыбкин. Мы хотели, пригласить к нам Сергея – мужа Елены только и всего. Чтобы помочь восстановить семью, понимаете!

Гольдман. Что семья, это святое, мне не надо объяснять. Только что я скажу: «Я - Моисей Карлович хочу пригласить вас Сергей в съемную квартиру, в которой живет ваша жена и еще трое незнакомых ни ей, и не мне людей». Это, во-первых, не солидно, а во-вторых, мне никто не поверит,

Громов. Почему?

Гольдман. Долго объяснять

Рыбкин. Моисей, прав. Не один здравомыслящий человек в это просто не поверит. (Пауза.) А что если...

Громов. Что если?

Рыбкин. Если вы, Моисей Карлович представитесь тем, кем на самом деле и являетесь, и попросите Сергея, показать свои картины.

Гольдман. Представляю его мазню!

Громов. Вот ты еще картины моего зятя не видел, а уже хулишь его.

Гольдман. Я его не хую, а цена сбиваю. (Пауза.) Что этот Сергей, со всей своей галереей должен пожаловать?

Рыбкин. Зачем же! Пусть возьмет одну, но самую любимую свою работу. Так мне кажется, все будет звучать правдоподобнее

Гольдман. Ну, давайте, попробуем. Может из этого, что-то и получится (звонит).

Громов (тихо говорит Рыбкину). Ну, начальник за то, что взял на себя грех мой, должник я твой до гроба. Проси, все сделаю для тебя!

Рыбкин. У меня к вам есть действительно одна просьба.

Громов. Хочешь, я тебя министром МВД сделаю!

Рыбкин. Нет, не хочу. У меня к вам одно пожелание. Никогда больше не называйте меня, гражданин начальник.

Громов. И все?

Рыбкин. Все.

Громов. Ну, как знаешь. Может, передумаешь?

Рыбкин. Ни за что!

Моисей подходит к Громову и Рыбкину и потирает руками.

Гольдман. Все в порядке. Сделал все, как договорились. Он приедет.

Рыбкин. Отлично.

Громов. Ну, зятек держись.

Гольдман. Только есть одна загвоздка. Он не один приедет.

Громов. А с кем?

Гольдман. С мамой!

Громов. В его то, годы.

Гольдман. Что вас так удивляет? Мать всегда волнуется за ребенка. Вот моя Софа три дня не подпускала к нашей дочери ее мужа после свадьбы». Все сторожила. А я сказал: »Софа, оставь детей в покое. Они уже давно спят друг с другом. Так неужели после Загса они не могут заниматься тем же самым».

Рыбкин (негромко рассуждает). Мама, как раз и может сорвать все наши планы. А без маменьки, никак?

Гольдман. Так я в принципе, с мамой только и говорил. По-видимому, она отобрала трубку у сына, и мне ничего не оставалось, как назначить встречу обоим. Через полчаса, максимум час они будут здесь

Рыбкин. Тогда надо торопиться. Вы – Моисей, представьте себя владельцем художественной галереи в Америки.

Гольдман. Но это так и есть! Правда, маленькой галереи на окраине города.

Рыбкин. Все реплики оставим на потом. Вы – Егор, собиратель антиквариата. Коллекционер.

Громов. А ты кто?

Рыбкин. Кто я... кто я? (Пауза.) Пока не знаю.

Громов. Может, юрист! Когда Моисей захочет купить картину моего зятя, то ты все в законном порядке и оформишь.

Гольдман. С чего ты взял, что я куплю картину?!

Громов (настойчиво). Купишь! Куда ты денешься?!

Гольдман. Ну, если ты так настаиваешь! Когда мне рекомендует купить картину такой человек, то, мне ничего другого не остается, как прислушаться к голосу заслуженного антиквара.

Рыбкин. Теперь из нашей квартиры надо сделать дорогой и презентабельный офис.

Гольдман (еще раз оглядывает квартиру). Могу сказать вам как профессионал, что это просто невозможно.

Рыбкин. Тогда представим – как антикварную лавку.

Гольдман. Это скорее похоже на – «сэконд хенд».

Громов. Антиквариат и есть» сэконд хэнд».

Гольдман. Ну, если антиквар такое говорит, то, следует действительно прислушаться к его прозорливому мнению.

Все трое начинают переставлять предметы по квартире, каждый по своему вкусу, но в итоге вся обстановка остается на своих местах.

Гольдман (обращается к Громову). Я только что передвинул стол к стене, почему он снова оказался в центре комнаты?

Громов. Ты Моисей, ничего не понимаешь, надо создать впечатление, что оно у нас этого антиквариата видимо невидимо. Завались. Даже пройти нельзя, чтобы не натолкнуться на предметы роскошной старины.

Гольдман. Ты прав. Только чего-то ещё не хватает! Предлагаю все вытащить наружу из шкафа, чемоданов и карманов.

Рыбкин. Для чего?

Гольдман. Чтобы антиквариата стало еще больше. Чтобы никто даже и близко не смог бы с нами соперничать. Конкуренты должны от зависти просто передушить друг дружку.

Все следуют совету Гольдмана и комната на глазах преобразается.

Громов. Это уже не антикварная лавка!

Гольдман. А что?

Громов. Музей!

Гольдман. Может, ты Николай не только юристом будешь, но и в охранники пойдешь. Ведь сердце мое не на месте. Тут же добра на сотни тысяч долларов. Как-то опасно сюда даже людей впускать!

Рыбкин. Хорошо, я согласен.

Гольдман. Вот теперь я действительно спокоен.

Звонок. Гольдман подходит к двери и открывает.

Сойкина (мать Сергея). Вы нам звонили! (Заходят в комнату.)

Гольдман. Да, милости просим. Я - Моисей Карлович приехал из далекой Америки.

У меня художественная галерея и я ищу новые таланты. Вот Егор Александрович – мой старинный партнер и приятель. Прошу его любить и жаловать. Он мне как брат. Но в бизнесе, как вы понимаете, братьев быть не может. Поэтому он все время крутится у меня под ногами, чтобы не дать мне что-то стоящее вывезти за границу. Он, как ему и положено по крови - славянофил, я же остаюсь верным своим космополитическим взглядам. Считаю, что настоящее искусство принадлежит всему миру, а не одной стране.

Сойкина (мать Сергея). Я то же согласна с Егором Александровичем, что истинное искусство должно оставаться на Родине. Понимаете мой сын – такой талант.

Сергей. Мама, прошу тебя. Перестань.

Сойкина (мать Сергея). У сына сейчас тяжелая депрессия. Каждому настоящему художнику, помимо его таланта необходима еще и Муза, которая поможет творцу открыть для себя новые горизонты.

Гольдман. Так вы и есть персональная Муза вашего сына?

Сойкина (мать Сергея). Ну, что вы! Я просто мама. Но пока Сергей свою Музу не нашел, то, я за нее.

Гольдман. Сергей еще не женат?

Сойкина (мать Сергея). К несчастью он женат, но как я и предполагала заранее - неудачно.

Громов. Чем же жена не угодила художнику?

Сойкина (мать Сергея). Они такие разные. Она из низких социальных слоев. Я понимаю, она рано потеряла мать, отец пошел по кривой дорожке, и сама Елена девушка не плохая, самостоятельная, но она не пара моему сыну.

Громов (говорит тихо). Ну, и дал же бог родственничков! Интеллигенты. Сливки общества.

Гольдман. Я, кажется, забыл представить вам нашего юриста – Николая Рыбкина. Он специализируется исключительно по делам о возвращении культурных ценностей на историческую Родину. Он мне как сын.

Сойкина (мать Сергея). Вы с такой любовью говорите обо всех присутствующих здесь, как о настоящих членах дружной семьи.

Гольдман. Если бы вы знали, сколько нам пришлось вместе пережить, прежде чем мы осознали, что друг без друга просто не представляем своего существования.

Громов. Истинную правду говоришь, Моисей Карлович.

Гольдман. Скажите Сергей, вы принесли свою работу?

Сойкина (мать Сергея). Да, принес.

Гольдман. Извините, как вас по имени и отчеству?

Сойкина (мать Сергея). Мария Павловна.

Гольдман. Мое уважение к вам Мария Павловна, безгранично. Но, к сожалению, мое время пребывания в России ограничено, поэтому я хотел бы сразу, не откладывая дела в долгий ящик, обсудить наедине с вашим сыном в присутствии моего юриста, деловые аспекты нашего возможного сотрудничества. Я уверен, что Егор Александрович вам не даст скучать. Он уже давно хочет заполучить вас в свои нежные и трудовые руки.

Сойкина (мать Сергея). Вы так думаете?

Гольдман. Я в этом уверен. Не обращайтесь никакого внимания на его угрюмый внешний вид, помните, что внутри он добр и хрупок, как все настоящие мужчины.

Сойкина подходит к Громову, который тяжело молчит, потому что боится что-то не то сказать. Он вытирает пот со лба и прячет свои руки за спину.

Сойкина (мать Сергея). Очень приятно с вами познакомиться. (Пауза.) И давно вы занимаетесь собирательством?

Громов. Всю свою жизнь. Как с «малолетки» начал так до сих пор в этих кругах и верчусь. Я сделал головокружительную карьеру: от шестерки до козырного туза.

Сойкина (мать Сергея). Какой вид искусства вам больше по душе?

Громов. Тот, что самый фартовый... то есть я хотел сказать, который приносит больше отчислений в общаг... то есть, в кассу взаимопомощи.

Сойкина (мать Сергея). У вас большие капиталы?

Громов. У меня большие связи.

Сойкина (мать Сергея). Странно, что для офиса вы выбрали такую ужасную квартиру.

Громов. Что же тут странного. Ведь все что вас окружает – это самый что ни на есть - антиквариат.

Сойкина (мать Сергея). Но эта обстановка, простите меня, за откровенность просто убожество!

Громов. Пусть это вас не сильно беспокоит. Порой в куче дерьма... то есть я хотел сказать в массе экскрементов, мне попадались такие брильянты. Однажды даже яйцо «Фаберже» удалось откопать. Жаль, что только одно. Видно этот мужик – инвалидом с рождения был. А так бы еще одно нашел, глядишь и пара яиц «Фаберже» у меня была бы в кармане.

Сойкина (мать Сергея). Как вы красиво, иносказательным языком мне все объяснили.

Громов. Что рассказать! Ведь я и показать могу. Вот вы думаете – это простой стол.

Сойкина (мать Сергея). Уверена.

Громов. Ошибаетесь, дамочка. (Ловит недовольный взгляд Рыбкина.) Ну, милая женщина. За этим столом сидел сам Петр первый!

Сойкина (мать Сергея). Не может быть.

Громов. Точно я вам говорю. Век свободы не видать. А эта люстра?

Сойкина (мать Сергея). Плафон вы хотели сказать!

Громов. Да, именно. Она же светила еще во дворце китайских императоров.

Сойкина. Так она же вся разбита.

Громов. Где же вы видели антиквариат без трещинки и без щербинки су...дарыня?! Я когда вижу предмет в идеальном состоянии, то, сразу понимаю, что мне хотят «фуфло» толкнуть. А за такие вещи у нас не прощают. Сразу же лицензии... на кислород лишат. У нас с этим строго.

Сойкина (мать Сергея). Какая у вас опасная работа!

Гольдман. Егорушка, ты не хотел бы, родной, показать уважаемой Марии Павловне нашу кухню. Из-за высокого полета твоих мыслей, мы никак не можем сосредоточиться.

Ломов. Да, Мария Павловна, давайте действительно оставим моих друзей наедине, и я вам на кухне еще и не такое покажу. Закачаетесь. Век воли не видать (уходят вдвоем).

Гольдман. Наконец-то (устало провожает взглядом Ломова и Сойкину). А вот и картина. Полюбуйтесь на нее Никол...

Рыбкин и Гольдман как замороженные долго смотрят на портрет.

Гольдман. Ну, как живая.

Рыбкин. Удивительное сходство.

Сойкин. Что вы сказали? Где вы видели эту женщину?

Гольдман. Никогда не видел.

Рыбкин. Просто мне показалось, что я когда-то встречал незнакомку. Но я могу и ошибаться.
Сойкин. Вот уже три дня, как она ушла из дому. Я ищу ее днем и ночью. Но все безрезультатно. Может, вы мне сможете помочь. Ведь у нее кроме меня никого нет.

Гольдман и Рыбкин переглядываются друг с другом.

Гольдман. Почему она ушла от вас?

Сойкин. Женщины вечно выясняли отношения друг с другом. Я жил между молотом и наковальней. Если встану на одну сторону, то тут же слышу упреки и слезы с другой стороны. У меня буквально все валится из рук. Но я не могу жить без Елены.

Гольдман. Послушайте меня, Сергей. Скажу вам как ревнивый отец, который трижды выдавал своих дочерей замуж. Так вот только теперь я понимаю, как я был глуп. Ведь не выдав их замуж за непутевых зятев, я никогда не получил бы своих красивых и умных внуков.

Рыбкин. Как говорится богу богово, а кесарю кесарево. То есть, жены должны принадлежать мужьям, дети родителям, а внуки бабушкам и дедушкам. Я правильно излагаю ваши мысли, Моисей Карлович.

Гольдман. Именно.

Сойкин. Но где мне найти Елену?

Рыбкин. Хорошо. Ничего не будем от вас скрывать, потому что на вас и так тяжело смотреть. Елена скоро появится здесь.

Сойкин. Здесь?

Гольдман. А что вас не устраивает?! Вполне приличная квартира и благородная публика. Да, не в одной гостинице мира с пятью звездами на лацкане вы не найдете лучше и благороднее людей.

Сойкин. Простите, это я от радости, что скоро ее увижу.

Гольдман. Теперь вы еще не так закричите, когда я скажу вам, что вы в скором времени станете отцом.

Сойкин. Откуда вам это известно?

Рыбкин. Это долгая история, и как-нибудь потом, мы вам ее с удовольствием расскажем. Но теперь и от вас и от нас зависит, как бы вам это попроще объяснить...

Сойкин. Ну, говорите, черт вас возьми!

Рыбкин. У каждого человека есть родители: плохие ли нам они, кажутся, или хорошие – это совсем другой вопрос. Они просто есть и без них человеку никогда не появиться на свете. Но как я понял, что мать вашей жены умерла, а вот отец, жив?

Сойкин. Елена что-то рассказывала мне о нем, но вскользь и больше никогда не вспоминала его.

Рыбкин. Все дело в том, что нашелся отец Елены. Только он не знает, как сказать ей, что он ее отец. Я, наверное, сумбурно объясняю.

Сойкин. Они что уже виделись?

Рыбкин. Да. Только Елена не знает, что Егор Александрович ее отец.

Сойкин. Антиквар!

Гольдман. В каком-то роде средней руки антиквар и большой экспроприатор богатств у тех, кто нажил его не трудовым путем. Прямо Робин Год!

Сойкин. Вы говорите какими-то загадками!

Гольдман. Какие же тут загадки – все ясно как дважды два. Просто помогите двум близким людям обрести друг друга.

Сойкин. Но что я могу?

Рыбкин. Вы все можете. Вы же родственники. Мы совсем чужие, посторонние люди, но не можем и не хотим пройти мимо этой человеческой трагедии.

Сойкин. Трагедии?

Гольдман. Конечно, трагедии. Когда вы станете отцом, вы однажды с радостью поймете,

какое это счастье слышать такое простое, но такое емкое, безграничное слово - отец. Потом вы будите бесконечное количество раз нервничать на тех, кто вас будет так называть, проклинать все на свете, скандалить, но всегда ждать, когда вас снова нарекут и во веки веков оставят за вами - это звание, которого нет для мужчины выше и ценнее. У отца Елены, никогда не было этой слуховой галлюцинации, у него есть только отцовское сердце, которое невыносимо страдает.

Сойкин. Но что я должен сделать?

Гольдман. Только то, что вам подсказывает ваше сердце.

В комнату заходит Громов и Сойкина с чашкой в руке.

Сойкина (мать Сергея). Вот, Егор Александрович, пытается меня убедить, что из этой чашки пила сама Екатерина Великая.

Гольдман (берет чашку в руку и с интересом ее рассматривает). А что вас так удивляет! Егор Александрович на моей памяти еще никогда не ошибался. У него особый нюх на антиквариат. Завтра на аукционе «Сотби» эта чашка уйдет по спекулятивной цене. Вот увидите. Верьте мне.

Громов смотрит, не отрываясь на картину.

Гольдман. Что понравился портрет?

Громов. Чудо! За такую картину и всего «общака» не жалко отдать

Сойкина (мать Сергея). Чего не жалко?

Гольдман. Егор хотел сказать, что готов инвестировать в покупку этой картины все свободные средства. Ведь так?

Громов. Да. Я даже займы готов взять. Я покупаю эту картину.

Гольдман. Я охотно войду с тобой в долю.

Сойкин (говорит железным голосом). Эта картина не продается.

Гольдман. Правильно, Сергей. Разве в России можно за нее получить приличные деньги. Я беру её в Нью-Йорк. О размере комиссионных мы с вами я думаю, договоримся.

Сойкина (мать Сергея). Но я то же против вывоза ее за рубеж.

Рыбкин. Кто же на ней запечатлён?

Сойкина (мать Сергея). Одна незнакомка. Она случайно позировала моему сыну.

Сойкин. Это моя жена, которую я люблю.

Звонок. Рыбкин открывает дверь и в комнату входит Елена и Наташа. В комнате царит замешательство.

Сойкина (мать Сергея). Так что все это значит?

Сойкин (обращается к Елене). Как ты могла уйти и ничего мне не сказать. Ведь я чуть с ума не сошел. В следующий раз, когда ты захочешь это снова сделать, то возьми и меня с собой, Ведь я все-таки твой муж.

Елена Сойкина. Как ты здесь оказался?

Сойкин. Не важно.

Сойкина (мать Сергея). Значит, вы нас нарочно заманили в эту квартиру! Это все подстроено. Сергей, мы уходим.

Сойкин. Я остаюсь со своей женой.

Сойкина (мать Сергея). Ты что бросаешь свою мать?!

Сойкин. Мама я ухожу, потому что пришло мое время, и я хочу остаться с тем, кто стал моим вторым я. Нет, пожалуй, уже первым.

Сойкина (мать Сергея). Так вот где твоя благодарность! Я отдала тебе все свои лучшие годы и с чем я осталась?!

Сойкин. Тебе останутся внуки.

Сойкина (мать Сергея). Я что, стану бабушкой?

Сойкин. И очень скоро.

Сойкина (мать Сергея). Тогда я покидаю тебя – мой неблагодарный сын. Навсегда (уходит).

Громов. Я пойду и приведу ее обратно. Я же про антиквариат ей не все еще успел рассказать (бежит вслед за Марией Павловной).

Сойкина. Откуда ты знаешь, что я беременна?

Сойкин. Я чувствую.

Сойкина. Значит, ты меня любишь?

Сойкин. Люблю. И если хочешь, я останусь тобой здесь (целуются).

Все оставшиеся в квартире жильцы, после последних слов, пребывают в шоке и тихо с собой перешептываются.

Прохоренко. Вот и еще на одного жильца в нашей квартире стало больше.

Гольдман. Кошмар. Вот и делай людям добро после этого.

Рыбаков. Ну, если в такой геометрической прогрессии будет прибывать жильцы в нашей квартире, то это может потянуть на книгу рекордов Гиннесса.

Прохоренко. В тесноте, да не в обиде.

Гольдман. Еще не все потеряно. Он сказал, если хочешь. Елена ему пока согласия не дала.

Рыбаков. Ну, не выгоним же мы мужа на улицу, когда его жена имеет законное право жить в этой квартире.

Гольдман. Факт. Приютим. Только вопрос, куда мы его поселим?

Рыбкин. Супругам отдадим комнату с диваном, Наташе выделим кухню с кушеткой, а нам останется коридор и санузлы.

Гольдман. В туалете можно, например, неплохо вздремнуть, сидя. В ванной полежать, пока тебя не окатят холодным душем, а в кладовке даже постоять, пока кто-то не откроет дверь, и ты не вывалишься из нее, как скелет из шкафа.

Сойкин (виновато). Нам бы только на несколько дней.

Рыбкин. Да, живите хоть год. Я целый день на работе.

Гольдман. А я в командировке и все на бегу. В спешке!

Прохоренко. И я вас ничем не стесню.

Сойкина. Ой, как хорошо все устроилось.

Рыбкин. Прямо по-семейному.

Гольдман. И не говорите.

Сойкин. Только тебе Елена нам надо кое-что важное сказать!

Сойкина. Что?

Рыбкин. Только ты не волнуйся раньше времени.

Гольдман. В твоем положении надо всегда быть спокойной, а главное рассудительной.

Сойкина. Ну, говорите, а то у меня схватки прямо сейчас начнутся.

Сойкин. Все дело в том, что тебя нашел твой... отец.

Сойкина. Кто?

Гольдман. Тот, кто дал тебе жизнь.

Сойкина. Родила меня мать, и об отце я ничего слышать не хочу.

Гольдман. Мать тебя действительно родила, а вот жизнь тебе дал твой родной отец.

Сойкина. Откуда он взялся?

Сойкин. Сейчас он придет сюда.

Сойкина. Сюда! Зачем?

Рыбкин. Он хочет тебя видеть.

Сойкина. Чтобы видеть меня необходимо еще и мое желание. А я его не даю. Сергей, уйдем отсюда. Я не хочу видеть этого человека.

Сойкин. Но так же нельзя!

Сойкина. Тогда я сама уйду. Счастливо всем оставаться.

Сойкина проходит к дверям и на пороге она встречает свою свекровь и Громова.

Сойкина (обращается к свекрови). Вы вернулись?

Сойкина (мать Сергея). Да, вернулась. Я подумала, что внуки – это неплохая альтернатива повзрослевшим детям.

Сойкина. Кстати, это очень хорошо. Вы же давно желали познакомиться с моим отцом!

Он будет здесь с минуту на минуту.

Сойкина (мать Сергея). Твой отец – он здесь.

Сойкина (окидывает взглядом всех присутствующих). Где же он?

Громов. Он стоит рядом с тобой.

Сойкина. Так это ты?

Громов. Я.

Сойкина. Вор в законе.

Громов. Да, прости.

Сойкина. И что я сейчас должна подбежать к тебе, броситься на грудь и расплакаться.

Громов (разводит руками). Не знаю.

Сойкина. Так ничего этого не будет. Я не нуждаюсь в тебе. Я ухажу.

Громов. Как и обещала в письме. Только тебе уходить, не надо. Я лучше уйду, а ты оставайся.

Только вещи свои соберу и... в путь. (Ходит по комнате и быстро собирает, вещи.) Завтра вам вернут ваши деньги. Я уже разговаривал с нужными людьми. Спасибо вам за душевное сочувствие и удивительную доброту. Я не мастак говорить красивые слова, но еще за одну ночь со всеми вами, под крышей этой квартиры, я бы отдал все оставшиеся. (Подходит к Рыбкину.) Ну, будь здоров начальник. Никогда не забуду, что ты для меня сделал.

Рыбкин. И вы на меня Егор не обижайтесь.

Громов (обнимает Гольдмана). Прощай, Моисей. Передавай в Америке привет всем нашим.

Отдельный поклон жене, детям, внукам.

Гольдман. Спасибо. И ты себя береги.

Громов (обращается к Прокопенко). Я вас почти не знаю, но вижу человека, и понимаю, как мне повезло встретить вас, хоть на такое непродолжительное время. И вы меня не забывайте... по возможности.

Прокопенко. Я вас никогда не забуду.

Громов (говорит с матерью Сергея). Вы уж не обижайте, Елену. Любите ее, хотя бы, потому что при живом отце она всю жизнь сиротой прожила. Это моя вина и ничья больше.

Сойкина (мать Сергея). Хорошо.

Громов (объясняется с зятем). Береги ее, потому что ближе Елены у меня никого нет, и не будет. Живите в мире и заботьтесь друг о друге.

Сойкин. Не беспокойтесь. Все сделаю.

Громов (долго смотрит на Елену, словно навсегда пытается запомнить её черты). Не могу я тебе никаких советов давать, потому что просто не имею право. Явился – не запылится. Но прошу, стань счастливой, и за меня и за маму. Прощай, дочь. Много лет тебя жизни, Елена.

Громов подходит к дверям и уже открывает их.

Сойкина. Папа... папа, где ты раньше был?

Громов (оборачивается на голос Елены). Я и сам, не знаю. Всегда искал свое место в жизни, и не понял главного. Что оно всегда должно было, быть рядом с тобой. Ты прости меня, если сможешь. Ну, все провожать меня не надо.

Сойкина (бросается в объятия). Папа! Мой папа!

Громов (плачет, обращается к Рыбкину). Вот видишь, начальник. Никогда, ни одной слезы.

Все говорили, что каменный, а оказывается, что я самый простой зек, у которого тоже есть отцовское сердце.

Сойкина (мать Сергея). Что-за бездушного сына я вырастила. Такие эмоции, а он стоит как истукан.

Сойкин (обнимает жену и тестя). Как я рад. Я так рад!

Сойкина (мать Сергея). Молодец, Сережа. Только сначала меня надо было, обнять, и лишь затем Егора Александровича и только в самом конце, свою жену. Передаю тебя, Елене из рук в руки. А мы вместе с дедушкой антикваром будем, внуков уму разуму учить.

Рыбкин (говорит еле слышно). Куда же мы теперь и бабушку подселим?

Прохоренко. К дедушке.

Гольдман. Где мы еще одну комнату найдем?

Рыбкин. Ужмемся. Найдем и для них угол.

Прохоренко. А когда внуки пойдут?

Гольдман. Вот когда внуки пойдут, то нас уже здесь, дай бог, не будет.

Рыбкин. Неужели, вы так себя плохо чувствуете Моисей Карлович?

Гольдман. Не дождетесь. Я же в переносном смысле.

Сойкина (мать Сергея). Я все слышу, и хочу вам заявить, что тронута до глубины души вашим отношением ко мне. Только всю свою семью я забираю с собой.

Рыбкин. Неужели всех? Ах, как это благородно!

Гольдман. Прямо слезы радости из глаз. Поверьте, никогда не давал воли своим чувствам, а теперь просто удержаться не могу. Так значит, вы их всех забираете с собой. Хочу заметить, что остаются еще два жильца без вашей женской заботы. Но не подумайте, что они мне мешают – просто вы сказали - всех. Я - не в счёт.

Сойкина (мать Сергея). Никого вам не оставляю.

Гольдман. По поводу, картины Сергей я позвоню вам позднее, и мы обо всем с вами договоримся. А пока пусть картина побудет у нас, хотя бы до завтра.

Сойкин. Хорошо.

Сойкина (мать Сергея). Сергей, не разбрасывайся народным достоянием.

Сойкин (смотрит на Елену). Мой шедевр теперь навсегда со мной.

Сойкина. Папа, мне столько тебе надо будет еще рассказать?

Громов. И мне тебе, Елена.

Сойкина (мать Сергея). И я охотно послушаю. Такая встреча.

Все уходят. В квартире остаются Рыбкин, Прокопенко и Гольдман.

Гольдман. Как-то пусто вдруг в квартире стало и неудобно. Словно что-то ушло от тебя навеки, и ты не в силах остановить ход безжалостного времени.

Прохоренко. Только вчера вы говорили одно, а теперь мямлите совершенно иное.

Гольдман. Ну, что поделаешь, вам всем с этим надо просто смириться.

Рыбкин. С чем этим?

Гольдман. С тем, что я несовершенный человек, который сам порой не знает, чего он хочет. Устаю, бывало от людей, хоть на необитаемый остров от всех готов сбежать и навечно там поселиться. Но как только никого нет рядом, и я не чувствую чей-то острый локоток у себя под ребром, как начинаю грустить и страдать. Плохо с людьми, а без них мне оказывается еще хуже.

Звонок в дверь.

Гольдман (вздрагивает). Неужели Мария Павловна передумала. Не дай бог. Тогда беру все свои слова обратно.

Рыбкин открывает дверь и видит перед собой Катю.

Семенова. Здравствуй, Николай.

Рыбкин. Здравствуй, Катя. Моисей Карлович не переживайте - это ко мне.

Гольдман. Я и не думал.

Рыбкин и Семенова проходят на кухню.

Прохоренко. Вот ваши молитвы и услышал бог. Сразу же новая жилищка появилась.

Гольдман. Никогда.... ну, никогда Бог не был так скор на исполнение моих желаний, как сейчас. Он опять надо мной издевается! Господи, чем я провинился перед тобой?

Прохоренко. С Катей всем нам будет веселее.

Гольдман. Только куда мы ее положим? Места же совершенно нет.

Прохоренко. А вы смотрите на этот задачу с другой стороны.

Гольдман. С какой же?

Прохоренко. Вчера жильцов в нашей квартире было пятеро, а сегодня только четыре.

Гольдман. Что вы думаете, я считать не умею. Но четыре жильца – это не три.

Прохоренко. Главное, что количество жильцов идет на убывание.

Гольдман. Вот это меня и беспокоит. Значит, скоро всем нам предстоит расставание.

В комнату заходит счастливый Рыбкин и улыбающаяся Семенова.

Рыбкин. Ну, не так быстро, как вы мечтаете, Моисей Карлович. Но, к сожалению, вы правы. Расставание неизбежно.

Гольдман. Отныне буду снимать квартиру только с жильцами.

Рыбкин. Почему?

Гольдман. А так интереснее. Эх, жаль моей Софы, нет, рядом. Когда уезжал, то психовал, как всегда. Но жена мне настойчиво заявила: «Моисей, везде живут хорошие люди. Не только я одна. Они тоже должны что-то хорошее сделать для тебя». Как она оказалась права... бедняжка.

Семенова. Почему бедняжка?

Гольдман. Ну, я тут, а она там. Софа же так страдает, когда у нет возможности учить меня уму разуму.

Прохоренко. Жаль, что ваша жена не приехала с вами в Москву?

Гольдман (говорит со страхом). Это еще зачем? Так мы все в этой квартире проживали, а если бы приехала моя Софа, то, только она одна. Верьте мне, потому что моя жена выживет любого... и даже меня.

Звонок в дверь.

Рыбкин. Кого ещё нелёгкая принесла?

Гольдман. А давайте просто дверь не откроем! Ну, нет нас, и все.

Семенова. Неудобно.

Рыбкин. Ну, надо хотя бы узнать кто это?!

Гольдман. Послушайте не надо открывать дверь, потому что я точно знаю, кто за ней стоит.

Рыбкин. Кто же?

Гольдман. Это моя Софа.

Прохоренко. Вы в этом уверены?

Гольдман. Если бы не был уверен, то, и не говорил бы.

Рыбкин. Тогда обязательно надо открыть!

Гольдман. Открывайте. Но на свой страх и риск. По крайней мере, я вас предупредил.

Рыбкин открывает дверь и слышится женский голос Софы Гольдман.

Софья Гольдман. Моисей, ты тут?

Занавес